ВЛАД

МЕЛЬНИЦА

пятеро на игле

18+

Влад Козьменко

Мельница

«Автор»
2026

Козьменко В.

Мельница / В. Козьменко — «Автор», 2026

Пятеро друзей из обычного провинциального города. Им по семнадцать, и они уверены, что умнее всех. Влад – сын директора банка, привыкший всё контролировать. Кот – душа компании, ему всегда мало. Седой – чемпион по самбо, который хочет всем помочь. Хирк – отличник, который считает каждую копейку. Данил – молчаливый механик, который просто хочет, чтобы его любили.Сначала это была игра: снятые колёса, мелкие аферы, первые лёгкие деньги. Потом в их гараж постучал человек в длинном чёрном пальто и предложил дело, от которого нельзя отказаться. Так появилась «Мельница» – закрытый клуб, где перемалывается всё: дружба, любовь, совесть и сами герои.Это роман о том, как каждый находит свою иглу – власть, деньги, любовь, желание спасти других – и как благие намерения ведут туда, откуда не возвращаются. Попробуйте найти в них себя. Если получится, не факт, что это хорошо.

© Козьменко В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Знакомство 6
Кот 9
Седой 10
Хирк 11
Таз 12
Мы 15
Глава 2. Moulin Rouge 16
Четырка 17
Ковёр 18
Курс 19
Свадьба 20
Отец 22
Глава 3. Король нищих 24
Сыч 24
Магаз 26
Диски 28
Белый слон 29
Сыч не одобряет 30
Где он спит 31
Репетиция 32
Ночь с дисками 33
Погоня 34
Армен 35
Пять дней 36
Делёж 37
Полковник 38
Две хаты 41
Детки 42
Ночь 45
Расчёт 49
Тётя Инна 53
Глава 4. Начало конца 55
Сатин 55
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Влад Козьменко
Мельница

Это история пятерых пацанов из обычного российского города. Они пытаются устроить свою жизнь, и не всегда законно. Попробуйте найти в них себя. Если получится, не факт, что это хорошо. Задумайтесь об этом и, как говорится, выберите жизнь.

Оглавление

Глава 1. Знакомство 4
Глава 2. Moulin Rouge 14
Глава 3. Король нищих 26
Глава 4. Начало конца 79
Глава 5. Дальше-больше 175
Глава 6. И.Г.Л.А. 215
Глава 7. Подлость 252
Глава 8. С.П.И.Д. 280
Эпилог 366

Глава 1. Знакомство

Мне двадцать один. Родился я в Чехии, в Либерце: небольшой город в полутора часах от Праги, с ратушей как из сказки и зоопарком, который считают одним из лучших в Европе. Будете там – сходите, не пожалеете. Больше ничего про Либерец я не помню, потому что в три года родители увезли меня в Россию.

Отец получил место в банке, через пару лет стал директором. Мать пошла к нему замом. Денег в доме было столько, что я рос как в витрине: своя комната, телевизор, приставка, стопки комиксов, телефон раньше, чем у всех в классе. Только жили мы почему-то не в центре, а в нашем районе. Пятиэтажки, гаражи, турник у помойки, на лавках люди, которые отсидели или собираются. Отец говорил, что «так ближе к филиалу». Я думаю, ему просто нравилось быть самым богатым в радиусе километра.

Зовут меня Влад. Фамилию называть не буду: вам она ничего не скажет, а кое-кому скажет слишком много. Клички у меня во дворе так и не прижилось. Видимо, когда за тебя платят, кличка не нужна.

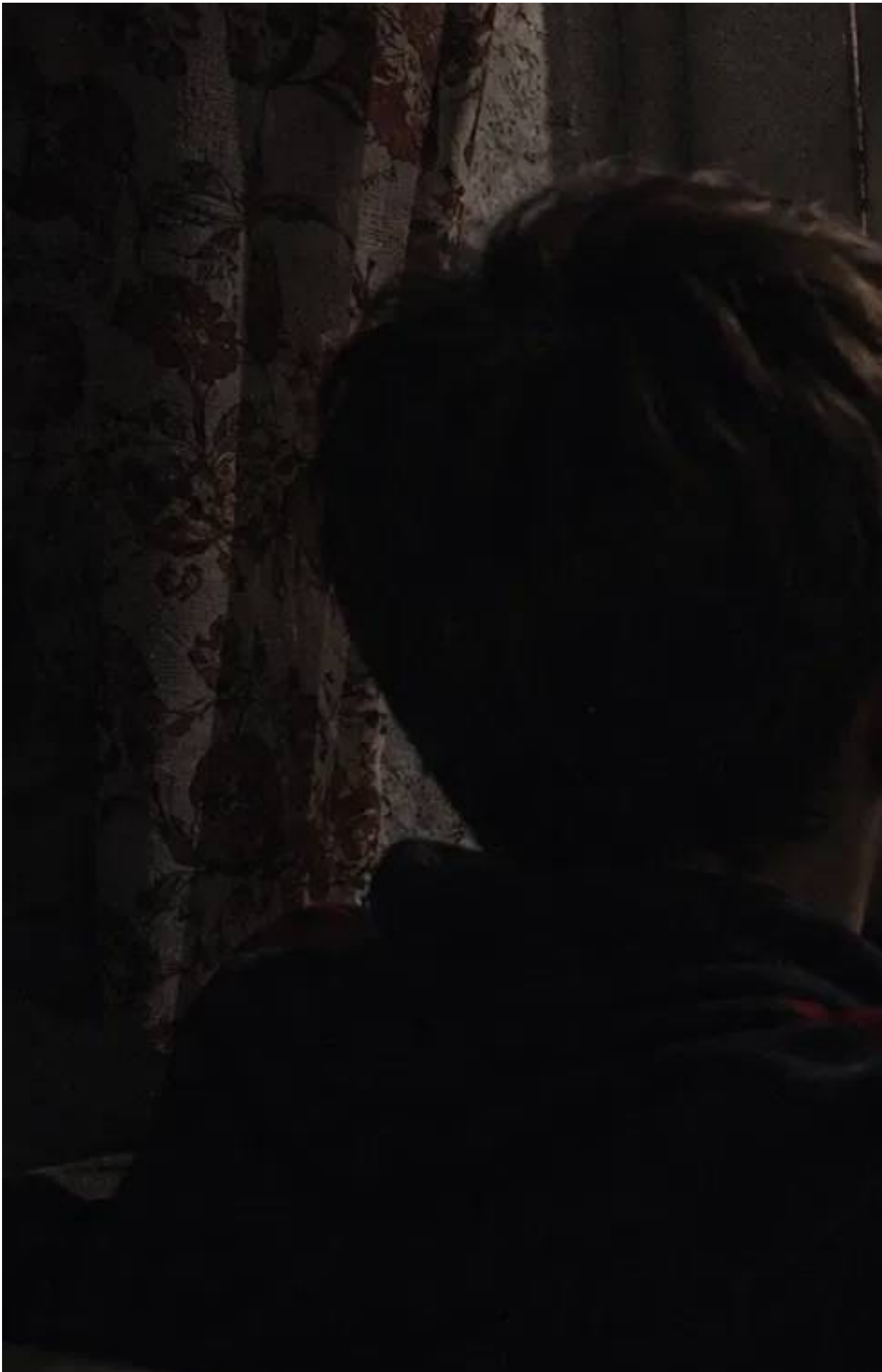
Когда мне было шестнадцать, у родителей появился Томаш. Мелкий, орущий, пахнущий молочной смесью. С этого дня мой разговор с родителями свелся к «привет» и «пока». Не жалуюсь, просто объясняю, почему я всё время был на улице. На улице были они.

Одна вещь про меня, чтобы вы потом не удивлялись.

В одиннадцать лет отец подарил мне бинокль. Настоящий, армейский, тяжёлый, в кожаном чехле. Сказал: «Будешь на дачу брать, птиц смотреть». Птиц я не смотрел ни разу. Я смотрел в окна дома напротив.

Я завёл тетрадь. Обычную, в клетку. Записывал: кто во сколько приходит, у кого когда гаснет свет, кто с кем ругается на кухне. Что дядя с четвёртого этажа каждый вечер выходит курить на балкон и плачет. Что у тети с третьего, у которой муж дальнобойщик, по вторникам бывает мужчина в синей куртке, и уходит он в шесть утра, до того как во дворе появятся бабки. Что мальчик из сорок второй квартиры,

мой ровесник, по ночам сидит у окна и смотрит вниз, на пустую улицу, по два

Я никому не рассказывал. Я ничего с этим не делал. Мне ничего не было нужно. Мне просто нравилось знать то, чего не знают другие. Как будто весь дом был мой, а они об этом не догадывались.

Мать нашла тетрадь через полгода, под матрасом. Прочитала. Долго сидела на моей кровати с ней на коленях. Потом выбросила в мусоропровод и сказала: «Это некрасиво, Влад. Чужая жизнь – это чужая». Отец вечером, узнав, засмеялся и сказал: «Наблюдательный. В банке пригодится».

Я тогда решил, что прав отец. Бинокль я больше не доставал. Но тетрадь у меня в голове осталась навсегда. Я её просто перестал записывать.

Кот

С Вовой Горневым мы познакомились в первом классе, когда он отобрал у меня сменку, а я разбил ему нос. Через десять минут мы вместе сидели у директора, а через неделю он уже ел у нас дома.

Кличку он получил в девятом. Позвал девчонку гулять в старый парк, где над высохшим озером торчит разрушенный мост: бетонные островки, между ними дыры, из дыр арматура. На одном островке пищал котёнок. Вова решил, что лучшего способа понравиться не придумаешь, полез, сорвался и сломал ногу в двух местах. Котёнок спрыгнул сам и ушел. Девчонка тоже ушла. С тех пор он Кот.

Это весь Кот: сначала красиво, потом думать. Отец – главврач городской больницы, мать – стоматолог со своим кабинетом, старшая сестра под тридцать живёт своей жизнью и с братом почти не видится. Денег в семье хватало на всё, кроме внимания, и это нас с ним роднило. Кот ходил в зал, когда вспоминал, следил за прической, за кроссовками и за тем, как на него смотрят. Общительный, громкий, немного влюбленный в себя. Девчонки к нему липли, и он потом подробно, с удовольствием рассказывал нам, как именно.

О будущем Кот не думал вообще. Работа, семья, «кем ты станешь» – всё это было про каких-то других людей. Его интересовала сегодняшняя ночь и чтобы в голове шумело. Сначала пиво, потом то, что покрепче пива. До поры я не воспринимал это всерьёз.

Ту ночь после моста я помню хорошо, потому что сидел в травмпункте вместе с ними.

Позвонила мне Алёна. В час ночи. Ей тогда было двадцать два, она училась в меде и жила ещё дома. Сказала: «Владик, приезжай, он тебя зовёт». Я приехал на такси, на деньги из отцовского кошелька. Кот лежал на кушетке в коридоре, с ногой в шине, белый, как простыня, и улыбался. Алёна сидела рядом на пластиковом стуле и держала его за руку.

Родители были на конференции в Сочи. Главврачей и стоматологов. Алёна звонила им восемь раз. Мать не взяла. Отец взял на девятый, сказал, что он на банкете, что Алёна умница и разберётся, и что они прилетят в воскресенье. Было это в четверг.

Мы просидели в коридоре до шести утра. Рентген, гипс, очередь, пьяный с разбитой головой напротив, бабушка с давлением. Кот всё время шутил. Рассказывал медсестре, как спасал котёнка. Медсестра смеялась. Он рассказывал это санитару, охраннику, пьяному с разбитой головой. Каждому чуть-чуть по-другому.

Под утро, когда медсестра ушла, Алёна сказала тихо, не глядя на него:

– Не было никакого котёнка, Вова.

Кот перестал улыбаться. На секунду. Потом подмигнул ей.

– Был. Рыжий. Ты просто не видела.

Алёна ничего не ответила. Только погладила его по голове, по чёлке, как маленького. Я тогда не понял, о чём они. Понял через много лет. Слишком поздно, как всё.

В воскресенье родители прилетели. Отец посмотрел снимок, сказал: «Хорошо загипсовали», и пошёл спать. Мать привезла Коту из Сочи футболку с пальмами. Кот носил её всё лето, не снимая.

Седой

Стас Аганесов был седым с восьми лет. Лейкотрихия, врачи сказали – не лечится. Другого бы затравили. Стаса не затравили, потому что он был кандидатом в мастера спорта по дзюдо и самбо.

Семья средняя: родители держали пару магазинов, работали с утра до ночи. Две старшие сестры давно разъехались. Одна работает в женской колонии где-то в другом крае, другая – стилистом в другом городе. Стас про первую рассказывал редко и всегда одно и то же: «Она там каждый день видит, чем всё заканчивается».

Может, поэтому он был странным бойцом. Уронить он мог любого, и именно поэтому ронял редко. Он знал, что бывает, когда человек падает неудачно. В драке Седой был где-то посередине между героем и трусом: шёл первым, но бил всегда последним. Мы над этим смеялись. Потом перестали.

В пятом классе к нему прицепился Гога. Девятиклассник, толстый, громкий, с компанией. Каждый день на перемене, у столовой: «Дед, пенсию получил? Дед, а где палочка?» Седой молчал. Месяц молчал. Мы не понимали почему: он уже тогда ходил на самбо и мог положить Гогу за секунду.

Однажды Гога сдернул с него шапку и бросил в лужу. И сказал что-то про мать Седого. Я не расслышал что.

Седой положил его на асфальт. Одним движением, через бедро. Сел сверху, взял руку на болевой. Гога заорал. Его компания стояла и смотрела. Гога орал, потом заплакал. Громко, по-детски, с соплями. Девятиклассник.

И Седой отпустил. Встал. Протянул ему руку. Гога не взял, сел на асфальте, у него текла кровь из носа. Седой снял свой шарф и отдал ему. Вытереть.

Нас потом вызвали к директору. Седому поставили неуд по поведению за четверть и вызвали мать. Гоге – ничего. Я спросил Седого на выходе: зачем ты его отпустил, он бы ещё полгода к тебе не подошёл.

– Он же плакал, – сказал Седой. Как будто это всё объясняло.

Гога к нему больше не подходил. А шарф Седому так и не вернул.

Хирк

Никита Хирков – отличник, золотая медаль на горизонте, мать учительница в школе, отец инженер. Обычная средняя семья с ипотекой и дачей. Не пил, не курил, по утрам бегал. Разбирался в компьютерах лучше, чем учитель информатики, и говорил, что через пару лет будет жить на крипте где-нибудь в Дубае.

Кличку ему дали просто, от фамилии: Хирк. Коротко, как щелчок мышки. Спросишь у Хирка, сколько времени, а он расскажет, как устроены атомные часы. Нам это нравилось, хоть мы и делали вид, что нет.

Но у Хирка было одно «но», и я видел его каждый раз, когда начиналось что-то серьёзное. Он трусил. Не прятался, не убегал, просто как-то оказывался чуть позади. В драках он «держал куртки». Я любил его как брата, но спину ему не доверил бы.

В четвёртом классе мы с ним пошли в магазин за мороженым. Хирк дал кассирше сто рублей, а она отсчитала ему сдачу с тысячи. Девятьсот рублей с мелочью. Я видел. Хирк тоже видел. Он посмотрел на деньги, на кассиршу, на очередь за нами. Секунды три. Я помню, как у него шевелились губы. Он считал.

Он ничего не сказал. Сложил деньги в карман и вышел.

На улице я спросил: ты зачем? Он ответил очень спокойно, как будто объяснял задачу у доски:

– Ей вычтут из зарплаты. Восемьсот. Это плохо. Но она сама ошиблась, это её ошибка, не моя. А мне восемьсот – это хорошо. Плохо одному, хорошо другому. Ничья.

– А если бы она тебя спросила?

– Она не спросила, – сказал Хирк.

Матери он сказал, что нашёл деньги на улице. Мать похвалила его, что не потратил на ерунду, и положила деньги ему в копилку. А мне он купил на следующий день жвачку. Одну. Со вкладышем. «За молчание», – сказал он. И засмеялся. Мне показалось, что это шутка.

Таз

Данил Корнеев из всех нас был самым бедным. Мать на двух работах, отец на вахте, в квартире всё старше нас. Зато у Данила была «четырка» – серебристая ВАЗ-2114, на которую он копил с двенадцати лет. Разгружал фуры, мыл машины, чинил соседям всё, что ломалось. Купил убитую, перебрал сам до последнего болта, занизил, поставил музыку. Таз – так в районе зовут любые «Жигули», и кличка прилипла к нему вместе с машиной.

Жил Данил по сути в гараже деда. Он мог разобрать и собрать что угодно: мопед, телевизор, замок, чужую машину. «Плюс любой техники – в ее простоте», – говорил он. Если что-то сломалось, понятно, где сломалось.

Он был самым спокойным из нас. Не орал, не спорил, не суетился. Если все вокруг сходили с ума, Данил просто доставал ключ на десять и что-нибудь подкручивал. Деньги он считал до копейки – когда копишь на машину четыре года, по-другому не умеешь.

Почему Данил никогда не пил, я узнал, когда нам было по девять.

Его отец приехал с вахты в мае. Три месяца на севере, деньги, подарки, мать накрыла стол. На третий день он запил. Неделю. На седьмой день денег не осталось, и он продал Данила велосипед. Первый в жизни. «Аист», синий, с багажником, который Данилу подарил дед на день рождения. Продал соседу за пятьсот рублей и купил на них две бутылки.

Данил пришёл в гараж к деду, где сидел я, и ничего не сказал. Сел на ящик. Молчал. Потом сказал одну фразу: «Мать в ванной плачет. Воду включила, чтобы не слышно было. А я слышу».

Всё лето он собирал велосипед. Из мусора, со свалки за гаражами, из рам и колес, которые выбрасывали соседи. Дед дал ему ключи и показал, как перебирать втулку. К сентябрю у Данила был велосипед. Страшный, раз-

ноцветный, с разными колёсами. Но свой. Он на нём ездил до двенадцати

В тот день в гараже, когда велосипед впервые поехал, Данил сказал мне, вытирая руки тряпкой:

– Я никогда не буду пить. Никогда, понял? Даже пиво.

Мне было девять, и я засмеялся. А он нет. Он сказал это так, как подписывают договор. И десять лет держал слово. Пока не стало незачем.

Мы

Пятеро пацанов из разных миров: сын банкира, сын главврача, сын предпринимателей, сын учительницы и Данил, у которого из всего богатства была его «четырка». Нас объединял район, и этого хватало.

До семнадцати всё было как у всех. Гуляли, дрались, пили коктейли из железных банок. С попрошайками у вокзала у нас была своя война. Не с бабушками, которые тихо сидят с шапкой, а с теми, кто хватает за рукав, суёт «французские духи» или рассказывает про беременную жену и забытый кошелек. Просили по-хорошему отстать. Если не понимали, Кот доводил человека словами так, что тот уходил чуть не плача. А если и это не помогало, работал Седой: один бросок, и человек лежал на асфальте, не понимая, как туда попал. Обычно после этого из-за угла выбегали «коллеги», и драться приходилось всем. Кроме Хирка, который держал куртки.

Тогда мне казалось, что нас никто не видит. Я не знал, что с лавки у соседнего дома за нами давно смотрят. И что когда-нибудь этот человек станет нашим учителем.

Но это потом. Нас было пятеро, мы всегда были вместе. Пока кое-что не случилось.

Глава 2. Moulin Rouge

Гараж Данила мы переделывали целое лето. Вынесли три тонны дедовского хлама, положили плитку, протянули свет. Данил сварил лестницу на второй этаж, которого раньше не было. Кот притащил из дома старый отцовский диван из темной кожи: главврачу купили новый. Хирк подключил интернет и колонки так, что бас чувствовался даже в соседних боксах. Седой таскал то, что тяжело. Я платил.

Так у нас появилось место. Не лавочка у подъезда и не задний двор школы, а своё.

Это лето я потом вспоминал чаще всего. Не вписки и не деньги, а именно его. Нам было по шестнадцать-семнадцать, никто из нас ещё ничего не сделал, и каждый думал, что у него всё впереди. Потом я понял, что именно тогда всё и началось. Не с магазина и не с дисков. С мелочей, которые тогда никто не заметил.

Четырка

В июле Данил купил машину.

Он копил на неё с двенадцати лет, и мы все знали про этот конверт. Белый, почтовый, с цифрами на обороте, зачеркнутыми и переписанными сто раз. Разгрузка фур у рынка – восемьсот за ночь. Мойка на трассе – тридцать процентов с машины. Соседке починить стиралку – пирог и двести рублей. Он никогда не брал у нас в долг и никогда не скидывался на бухло. Приходил со своим чаем в термосе.

Машину он нашёл на «Авито» в соседней области: серебристая ВАЗ-2114, двенадцать лет, владелец дед, стоит без движения три года. За ней мы поехали все вместе на электричке, пять часов в одну сторону. Кот ныл всю дорогу, что мог бы оплатить всем такси. Данил молчал и держал руку на кармане с конвертом.

Дед вышел к нам в майке и с палкой. Машина стояла в лопухах по крышу, со спущенными колёсами и гнездом ос под дворником. Кот сказал, что это металлолом. Дед посмотрел на Кота так, что тот до вечера больше ничего не говорил.

Данил час лазил вокруг машины. Смотрел пороги, нюхал масло, прокручивал колёса руками. Потом сел на корточки перед дедом и начал торговаться. Не как торгуются на рынке, а как докладывают у доски: сайлентблоки – столько, резина – столько, граната слева скорее всего столько. Дед слушал-слушал, а потом спросил:

– Сам на неё заработал?

– Сам.

– Сколько лет собирал?

– Четыре.

Дед помолчал, потом скинул десять тысяч. И еще отдал в багажник коробку с инструментами: «Мне уже ни к чему, а тебе пригодится».

Домой мы ехали на буксире за каким-то местным мужиком на «Ниве», которого Данил уговорил за тысячу и термос чая. Восемьдесят километров пятеро пацанов сидели в мертвой машине с открытыми окнами и орали песни, потому что магнитолы не было. Данил рулил. Все восемьдесят километров он рулил машиной, которая не ехала, и улыбался так, как я до этого не видел никогда.

Через месяц «четырка» поехала. Через два – она была самой красивой машиной на районе. На самом деле нет, конечно. Но так считал Данил, и никто из нас не спорил.

Я тогда первый раз подумал про деньги по-настоящему. У меня на карте в тот день было больше, чем Данил собирал четыре года. И я бы отдал их все, чтобы хоть раз так улыбнуться за рулём чего-то своего.

Ковёр

В августе у Седого был турнир по самбо, отбор на округ. Мы пришли все четверо, Кот даже нарисовал плакат «СЕДОЙ =СМЕРТЬ», и тренер вежливо попросил его убрать.

Спортзал пах потом и резиной. На трибунах сидели чужие родители с бутербродами. Родителей Седого не было: в субботу они стояли в своих магазинах, как и во все остальные дни.

Первые две схватки он выиграл за минуту, красиво, бросками. В финале ему достался парень постарше, злой и неаккуратный, из тех, кто дерётся так, будто на улице. На третьей минуте Седой поймал его на болевой на руку. Трибуны заорали. Парень не стучал. Лицо у него стало белым, глаза лезли из орбит, а он всё равно не стучал.

И Седой отпустил.

Не рефери разнял, не тренер крикнул. Он сам разжал руки. Парень вывернулся, налег сверху и дожал на очках. Седой проиграл. Второе место, округ в этом году мимо.

После награждения тренер орал на него в раздевалке так, что было слышно в коридоре. Седой вышел к нам с медалью в кармане и сказал: «Пошли по шаурме».

Уже вечером, на крыше гаража, я спросил, почему он отпустил.

– У него локоть уже хрустел, – сказал Седой. – Ещё секунда, и он бы руку полгода не разгибал. А он на стройке работает, я слышал. Двое детей.

– И что? Это спорт. Он сам не стучал.

Седой долго смотрел на огни пятиэтажек.

– Сестра мне как-то рассказывала. У них в колонии половина сидит за то, что кто-то вовремя не отпустил. Один удар лишний. Одна секунда. И всё.

Тогда мы его не поняли. Кот назвал его тряпкой, Седой засмеялся и не обиделся. А медаль за второе место он повесил у нас в гараже, на гвоздь над верстаком. Она висела там до самого конца.

Курс

Хирк в то лето стал инвестором.

На день рождения бабушка подарила ему двадцать тысяч «на ноутбук к институту». Ноутбук у него уже был. Он положил всё в крипту, в какую-то монетку с собакой на логотипе, про которую прочитал в Телеграмме. Две недели он ходил с лицом человека, который знает какую-то тайну вселенной. Показывал нам графики: плюс сорок процентов, плюс семьдесят. Объяснял, что такое блокчейн, так, что даже Данил понял.

А потом он перестал показывать графики.

Я спросил, как там собака. Хирк сказал, что всё отлично, просто он «зафиксировал прибыль» и теперь ждёт новой точки входа. Сказал так гладко и так уверенно, что я поверил.

Правду я узнал случайно, через месяц. У него дома был включен ноутбук, и на экране висела биржа. Баланс: три тысячи двести рублей. Из двадцати. Хирк захлопнул крышку и начал рассказывать про другой счёт, на котором лежит всё остальное. Долго, подробно, с терминами. Я слушал и кивал.

Никакого другого счёта не было. Я это понимал, и он понимал, что я понимаю. Но мы оба сделали вид. Вот так Хирк и врал всю жизнь: не от жадности и не со зла. Просто потому, что отличник не может ошибаться. А если ошибся, значит, нужно сделать так, чтобы этого никто не узнал.

Бабушке он сказал, что купил на её деньги курс по программированию. Она рассказывала об этом всем соседкам.

Свадьба

В конце августа выходила замуж сестра Кота, Алёна. За хирурга из отцовской больницы, тихого и вежливого, как грелка. Свадьбу делали в загородном клубе с белыми шатрами, струнным квартетом и ведущим из телевизора. Нас Кот провёл как «друзей со стороны брата невесты», и мать его, стоматолог, всех перед входом оглядела так, будто собиралась лечить каждому зубы.

Кот был в белом костюме, как жених. Это заметили все, кроме жениха. К седьмому тосту Кот танцевал с подружкой невесты. К десятому – с другой. К торту он взял микрофон у ведущего.

Я думал, сейчас будет позор. А он сказал лучший тост за весь вечер. Про то, как Алёна в детстве стригла его спящего и как потом всю ночь сидела с ним в травмпункте, когда он сломал ногу на мосту, потому что родители были на конференции. Люди плакали. Невеста плакала. Даже его мать промокнула глаза салфеткой.

А через час отец Кота, главврач, нашел сына в беседке за шатром. С той самой подругой, у которой на пальце было обручальное кольцо. Отец не кричал. Он просто взял Кота под локоть, отвел к нам и сказал: «Ребята, вызовите ему такси. Я оплачу».

В такси Кот смеялся.

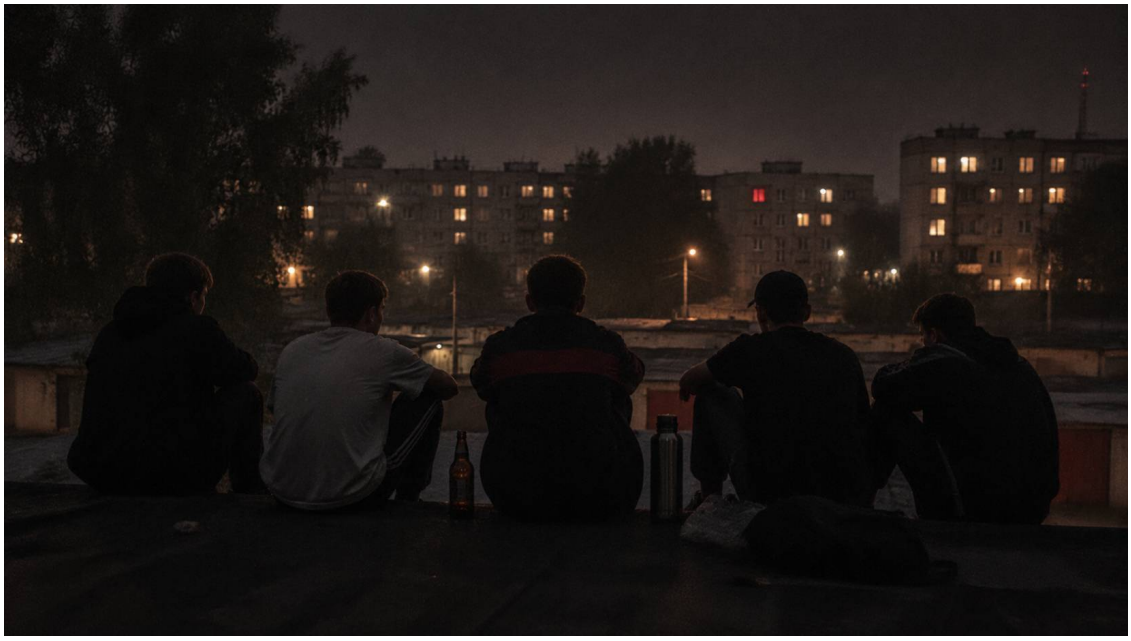
– Вот ты скажи, Влад. Какая разница? Все всё равно делают что хотят. Просто одни прячут, а я нет. У неё муж в том же шатре сидел. И что? Завтра она ему будет завтрак готовить. Все так живут, брат. Все.

Я ничего не ответил. Тогда мне казалось, что он говорит про себя. Оказалось, про меня.

В сентябре мы устроили там первую вписку. Хотели как в «Великом Гэтсби», а получилось как в «Проекте Х». Нас не взяли: когда менты поднялись наверх, все пятеро сидели с учебниками. Это была идея Хирка, и она сработала. Конечно, не обошлось без протоколов и административных штрафов, но это другое.

Потом такие ночи стали правилом. Мы хотели, чтобы они забывались так, чтобы потом запомниться. И они запоминались. Про гараж на Строителей знали в каждой школе города.

Но чем громче были вечеринки, тем сильнее меня крутило одно чувство. Всё это было куплено на деньги моих родителей. Виски – на отцовскую карту. Колонки – на материны «на курсы». Я был королём гаража на чужие деньги, и в любой момент папа мог снять с меня корону одним звонком в свой же банк.

Отец

А потом был октябрьский вечер в центре.

Мы с Котом зашли в «Белладжио» на набережной, самый дорогой ресторан города. Просто понтануться: взять два коктейля за мои и посидеть в креслах, как взрослые. Администратор посмотрел на нас с сомнением, но посадил у окна.

Из вип-зала вышел мой отец.

Рука у него лежала на талии девушки лет двадцати пяти. Светлые волосы, черное платье, смех. Я её знал. Она работала в его банке, в приёмной. На новогоднем корпоративе она подарила мне шоколадку и назвала «солнышком».

Отец увидел меня, когда был в трёх шагах. Рука соскользнула с талии на спину, потом исчезла совсем. Лицо не изменилось ни на секунду. Он подошёл к нашему столику, пожал Коту руку, спросил, как дела у его отца.

Потом достал из бумажника карту. Не мою – свою, чёрную, без лимита. Положил на стол рядом с моим бокалом.

– Ужин за мой счёт, сын. Карту оставь себе. Маме скажем, что это на восемнадцать досрочно.

Он сказал это тем же голосом, каким разговаривал по телефону с клиентами. Спокойно, вежливо, без намека на вопрос. Как договор подписывают. И ушёл. Девушка в черном уже ждала его в машине.

Кот присвистнул и сказал что-то вроде «ну ты видел, я же говорил». Я не слышал. Я смотрел на карту.

Мне никогда не было так противно и никогда не было так интересно. Мой отец, директор банка, человек, который никогда ничего не боялся, только что заплатил мне за молчание. Не спросил, как я. Не объяснил. Не попросил. Просто посчитал, сколько стоит его секрет, и оплатил.

Маме я ничего не сказал. Дома она кормила Томаша пюре и рассказывала по телефону подруге, как устала. Инне, кстати. Судье. Смешно, как всё связано.

С того дня я стал смотреть на взрослых по-другому. На мужиков с кольцами в кафе. На отцов одноклассников на родительских собраниях. На каждого я теперь смотрел и думал: что ты прячешь? И сколько ты за это заплатишь?

Кот был прав. Все делают что хотят. Просто одни прячут, а другие нет. И те, кто прячет, готовы платить.

Идея пришла в одну из таких ночей. Кот привёл двух девчонок из танцевальной студии, они для смеха стали танцевать на столе, и полгаража перестало разговаривать. Даже парни на десять лет старше нас, которые зашли с улицы на музыку. Один из них сунул девчонке купюру, и он был в обручальном кольце.

Я смотрел на это кольцо и видел чёрную карту на столе в «Белладжио». И думал: сколько он заплатил бы, чтобы жена никогда об этом не узнала?

– Пацаны, – сказал я под утро, когда все разошлись и нас осталось пятеро. – У меня есть тема. «Мулен Руж».

– Это что? – проснулся Седой.

– Фильм такой, – сказал Хирк. – И кабаре в Париже, открыто в тысяча восемьсот восемьдесят девятом…

– Спасибо, Хирк. Смотрите.

И я рассказал.

Снимаем квартиру, делаем из нее закрытый клуб. Красный свет, кожаные диваны, девочки на сцене. Вход по рекомендации, как для своих. И ещё одна комната, отдельная, куда можно уйти с девочкой за отдельные деньги.

А теперь представь, что ты обычный мужик. Зарплата тридцать-сорок, жена, ребёнок, ипотека. Дома вечно кто-то орёт. Друг шепчет тебе адрес. Ты приходишь, берёшь выпить, садишься на кожаный диван. К тебе подходит девочка, танцует, ты даёшь ей две тысячи. Она шепчет, что ты ей понравился. Вы уходите в ту самую комнату, ты платишь еще три. Уходишь домой счастливый.

А через неделю курьер приносит тебе конверт. В конверте флешка, на флешке ты. И записка: «Десять тысяч, и жена не увидит». Ты идёшь по тому адресу – а там пустая квартира под сдачу. Кому ты пойдешь жаловаться? Ты платишь. Десять тысяч – это больно, но не смертельно. А семья остается с тобой.

– С богатых будем брать пятьдесят, – сказал я. – Но их надо заманивать цепочкой. Чтобы пришёл мэр, сначала должен прийти его водитель. Чтобы пришёл водитель, – его кум. И так дальше.

Сначала была тишина. Потом каждый ответил по-своему.

Кот ухмыльнулся: «Девочек беру на себя» – и сразу спросил, будет ли там бар. Данил достал телефон и начал считать. Седой молчал дольше всех. А Хирк снял очки, протер их о футболку и сказал:

– Двести сорок первая УК – организация проституции. Сто шестьдесят третья – вымогательство. И сто тридцать седьмая сверху, за съёмку. Я просто чтобы вы знали.

– А если не поймают? – спросил Данил, не отрываясь от калькулятора.

Хирк подумал.

– Тогда шестьдесят в месяц только на среднем классе. Плюс богачи.

Вот так и вышло. Хирк всегда знал, что такое хорошо, а что плохо. Просто когда плохое хорошо считалось, ему становилось интересно.

Данил досчитал к рассвету. Аренда двух квартир, одна для клуба, другая запасная. Камера, свет, мебель, алкоголь, шмот для девочек. Вышло семьдесят тысяч.

У меня в тот момент было тринадцать своих. Чёрная отцовская карта лежала в столе, но её я для этого трогать не собирался. На его деньги это был бы ещё один его гараж. У Кота была безлимитная карта, но отец видел каждую операцию. У остальных не было ничего.

И когда солнце встало над гаражами, я сказал фразу, с которой всё началось:

– Значит, семьдесят надо взять. Разом.

Глава 3. Король нищих

Сыч

Семьдесят тысяч сами собой не берутся. Нужен был человек, который знает, как это делается. И такой человек жил через дорогу.

В соседнем доме, на лавке у второго подъезда, каждую ночь сидел мужик. Сухой, в кепке, лет пятидесяти. Курил «Приму» и смотрел. Мы возвращались с вписок в четыре утра – он сидел. Шли в школу к восьми – его уже не было. Во дворе его звали Сыч: ночная птица, не спит и всё видит. Чем он жил днём, никто толком не знал. Говорили, сидел. Говорили, дважды.

Сыч видел нас всех. Как Кот стоит согнувшись у мусорки после вписки. Как Седой одним броском кладёт на асфальт пьяного, который к нам докопался. Как Данил в три ночи меняет колодки при свете телефона. Как я возвращаюсь последним и никогда не тороплюсь домой. Мы его не замечали. Лавка и лавка.

Той весной на вокзале у меня вытащили телефон. Я почувствовал руку в кармане, обернулся и увидел спину: пацанёнок в куртке на три размера больше, кроссовки разные. Догнал его во дворах и прижал к стене. Лет двенадцать, не больше. Он не плакал и не просил, просто смотрел снизу вверх и ждал, когда ударят. Потом я узнал, что зовут его Шнурок.

Я забрал телефон. Хотел дать подзатыльник, а вместо этого спросил, когда он ел. Он не ответил. Я отвел его в «Мак» и взял два биг-мака, картошку и колу. Он ел, не поднимая головы, одной рукой, а другой держал поднос, будто его отнимут. Ушёл, не попрощавшись.

На другой стороне улицы, у ларька с шаурмой, стоял Сыч. Курил и смотрел на меня через стекло.

Через неделю в гараж Данила заехала старая чёрная «Волга». Из неё вылез Сыч.

– Ты Данил? Говорят, у тебя руки из нужного места. Стучит что-то слева.

Данил полез под машину. Сыч сел на наш кожаный диван, как к себе домой, оглядел колонки, сварную лестницу, ящики с бухлом. Потом посмотрел на меня.

– А ты тот, что пацанёнка кормил.

– А тебе что?

– Да ничего. Интересно стало. Пацан у тебя телефон дёрнул, а ты ему бургер. Другие бы ментам сдали. Или в зубы.

– Жалко стало.

– Жалко, – повторил он, будто пробовал слово на вкус. – Жалость, малый, дорогая штука. Ты её можешь себе позволить, у тебя папа банкир.

Откуда он знает про папу, я спрашивать не стал. Сказал, что сидеть на лавке и смотреть за чужими детьми каждый дед может. И что не понимаю, чего он такой умный.

Сыч ничего не ответил. Он молча закатал рукава. От запястий до локтей –браслеты, паук, перстни на пальцах. Я в этом не разбирался, но понял: каждая картинка что-то значит, и ничего хорошего.

– Первая ходка – за грабёж. Вторая – за грабёж и убийство. По неосторожности. Ещё вопросы?

Вопросов не было.

– Вот смотри, – кивнул он на ворота. – Замок у вас дрянь. Сигналки нет. Колонки, ноутбук, диван этот. Хотите, за пару минут всё вынесу, а вы наверху даже не проснетесь. Заплатите – покажу, как это делается. Не заплатите – покажет кто-нибудь другой. Только уже без вас.

Хирк хмыкнул. Сыч встал, вышел, закрыл ворота снаружи на наш же замок и пропал. Мы переглянулись. Не прошло и двух минут, как ворота открылись. Сыч стоял на пороге и крутил на пальце наш замок. Целый. Без единой царапины.

Данил вылез из-под «Волги», взял замок и долго вертел его в масляных пальцах. Потом сказал: «Я заплачу». По-моему, впервые в жизни сам предложил кому-то деньги.

Так у нас появился учитель. Дружбы с ним не вышло, вышла сделка: мы платили, он учил и рассказывал. Кто в районе кому платит, кого лучше не трогать, где стоят камеры, а где только наклейки. Брал недорого и всегда наличкой. И когда нам понадобились семьдесят тысяч, я пошёл к нему на лавку.

Магаз

Наш район славился зэками. Если в округе что-то случалось, менты сначала шли по известным адресам. На этом и строился мой расчёт. Кто будет искать отличников, когда есть дядя Серёжа с третьего этажа, у которого три ходки за грабеж?

Магазин мы выбрали на окраине, у трамвайного кольца. «Продукты 24»: кафель с отбитыми углами, гудящий холодильник с пивом, календарь за прошлый год. Камеры нет, есть только наклейка «Ведётся видеонаблюдение», выцветшая до розового.

Неделю мы ходили туда по одному. Хирк записывал всё в заметки телефона, как для лабораторной. Продавец Ашот с десяти вечера смотрит сериалы с телефона. Охранник Игорёк к одиннадцати уже допивает свою чекушку. Инкассация – в субботу утром, значит, в пятницу вечером в кассе вся неделя.

Сыч выслушал меня, куря, и сказал только одно: «Ножи возьмите, но не доставайте. Нож достал – уже другая статья». Я кивнул, как будто понимал, о чём он.

В пятницу в десять сорок мы сидели в «четырке» Данила за гаражами. Двигатель работал, печка дула жаром, стёкла запотели. Пятеро в старой машине, и каждый молчит по-своему. Седой разминал кисти, как перед схваткой, и смотрел в пол. Кот жевал жвачку с открытым ртом и поправлял чёлку в зеркале заднего вида. Данил держал руки на руле, хотя мы стояли. А Хирк сидел с битой на коленях и смотрел в окно так, будто едет на олимпиаду.

– Может, ну его? – тихо сказал Седой. Никто не ответил.

Я помню, что в ту минуту мог всё отменить. Сказать «поехали назад», и никто бы не спорил. Но тогда я бы перестал быть тем, кто решает. Я натянул маску.

– Кот – угол, Данил – мотор не глушишь. Сорок секунд. Пошли.

Дверь звякнула колокольчиком. Этот дурацкий звонок я слышу до сих пор.

Седой был у прилавка раньше, чем Ашот поднял глаза от телефона. Перемахнул через стойку, взял его на бросок и прижал к полу, аккуратно, чтобы ничего не сломать. Как на тренировке. Телефон упал экраном вверх, сериал играл дальше.

У холодильника с пивом стоял мужик в пуховике. Его в наших списках не было. Я сбил его с ног, он упал, и бутылка «Жигулёвского» покатилась по кафелю. Я прижал его коленом и понял, что в руке у меня нож. Когда я его достал, я не заметил. Мужик смотрел на лезвие и мелко крестился одними пальцами.

Игорёк стоял у входа с открытым ртом. По плану он был мой. Но я сидел на мужике с ножом, который нельзя было доставать, и увидел, как Игорёк нащупывает телефон.

И тут Хирк, наш Хирк, который всю жизнь держал куртки, шагнул из-за стеллажа с чипсами и опустил биту. Без крика, без замаха, аккуратно, как ставят точку в конце сочинения. Игорёк сложился, как пустая куртка с вешалки.

Хирк посмотрел на него, потом на биту. И поправил очки под маской.

– Касса не открывается! – зашипел Седой.

Десять секунд он лупил по кнопкам. Двадцать. Я слышал свое дыхание в маске, сериал с пола и как тикают часы над дверью. Потом Седой просто выдрал ящик руками, и мелочь брызнула фонтаном на Ашота.

Я встал с мужика и зачем-то потянулся к полке за бутылкой вина. Отметить. Красиво же, как в кино. И в ту же секунду мир взорвался у меня в левом ухе. Мужик в пуховике подобрал своё «Жигулёвское». Я лежал на кафеле в пиве и стекле и смотрел, как над ним вырастает Хирк. Опять сзади. Опять спокойно.

С улицы дважды свистнул Кот. Это значило «валим».

Мы вылетели из магазина в тот момент, когда из-за поворота медленно выползал патрульный «УАЗ». Без мигалок, просто катился по своим делам. Мы вчетвером встали в тени

остановки, вжавшись в стену с объявлениями. В масках. С битой и пакетом. Если бы они повернули голову хоть на секунду, на этом история бы закончилась.

Не повернули.

В машине Данил выжал сцепление так, что «четырка» чуть не заглохла, и тут же погладил руль, как будто извинился. Кот сзади начал смеяться и не мог остановиться до самого гаража. Седой не смеялся. Он смотрел на свои руки. А у меня в ухе звенело, и по шее текло что-то тёплое. Не вино.

В гараже мы высыпали пакет на стол. Недельная выручка «Продуктов 24» оказалась пятьюдесятью тысячами мятыми сотнями и горстью мелочи. Данил пересчитал трижды, каждый раз надеясь на другой ответ. По десять на нос.

– Десять штук, – сказал Кот, – за то, чтобы Владу бутылкой по башке дали.

Все заржали. Кроме Хирка. Он сидел в углу и протирал биту влажной салфеткой, медленно, сантиметр за сантиметром. Я потом долго думал про его два удара. Лицом к лицу Хирк бы никогда не смог. А сзади смог. И даже рука не дрогнула.

В ту ночь я не спал. Дома было тихо, только в детской плакал Томаш. Мать прошла к нему мимо моей двери и даже не заметила, что у меня горит свет и подушка в крови.

Через неделю за наш магазин взяли двоих со Строителей. Одним из них был дядя Серёжа. Его вели к машине мимо нашего подъезда в тапках на босу ногу, и он всё повторял: «Не я, мужики, ну не я же». Я стоял у окна и смотрел.

Пацанам я сказал, что это не наши проблемы. И почти в это поверил.

Диски

Десять тысяч – это не семьдесят.

Я понял это на следующий же день, когда сел считать. Аренда квартиры под клуб с залогом – сорок. Камеры – двадцать. Свет, диваны, стойка. И это если девчонки согласятся работать первый месяц за процент. Пятьдесят тысяч из «Продуктов 24» растаяли бы за неделю. А второй магазин в том же районе – это уже не случайность, это почерк. Так сказал Сыч. По почерку ищут быстрее, чем по отпечаткам.

Нужно было что-то одно. Крупное. И без людей.

Белый слон

Идею принес Кот, хотя сам тогда не понял, что принёс.

В субботу он выложил сторис из своего фитнес-клуба. Не себя в зеркале, как обычно, а парковку. Среди чёрных «крузаков» и серых «камри» стоял белый матовый «Хаммер». Не новый, тот самый, квадратный, как армейский холодильник. Тонировка в ноль. И диски: кованые, черные с хромом, спицы тонкие, как паутина. Подпись: «слон в посудной лавке».

Хирк нашел эти диски за десять минут. Американская фирма, делают под заказ, в России официально не продаются. Он повернул к нам экран ноутбука с таким лицом, будто сам их изобрел.

– Комплект новый в Штатах – шесть тысяч долларов. С доставкой сюда – под полмиллиона. Б/у у нас уйдут тысяч за триста, и то недорого.

– Триста, – повторил Данил. Он сказал это так, как другие говорят «люблю».

– А чей он? – спросил Седой.

Кот пожал плечами. Хозяина он ни разу не видел. Машина приезжала по вторникам и четвергам к семи утра, когда в зале пусто, и уезжала в восемь. Администраторша на ресепшене сказала Коту шёпотом, что это «из органов» и что абонемент у него бесплатный. Кот рассказал это со смехом, как анекдот.

Нас это тогда только раззадорило. Одно дело – дядю Серёжу подставить. Другое – мента разуть. Мента, у которого на зарплату такие диски не купишь никогда. Я даже сказал что-то про справедливость. Сейчас стыдно вспоминать.

Сыч не одобряет

Вечером я сел к Сычу на лавку и показал сторис. Он долго смотрел на экран, потом вернул телефон.

– Не лезь.

– Почему?

– Потому что белые машины с такими колёсами простые люди не покупают. Их покупают люди, которым хочется, чтобы их боялись. А если их боятся, значит, есть за что. Сначала узнай, чья. Потом думай.

– Из органов какой-то.

Сыч затянулся и медленно выпустил дым.

– Из каких?

Я не знал. И не хотел знать. Вот в чём беда. Я уже всё решил, и любой вопрос мог это решение сломать.

– У него абонемент бесплатный, – сказал я, как будто это что-то объясняло. – Значит, такие же воры, как мы. Только в погонах.

Сыч посмотрел на меня своими желтыми глазами, как смотрят на ребёнка, который сейчас сунет палец в розетку, и понимают, что не успеют.

– Ты, малый, одно запомни. Вор в погонах – это не вор. Это хозяин. А хозяева своё не теряют.

Я кивнул. И на следующий день сказал пацанам, что Сыч дал добро. Это была моя первая настоящая ложь им. До этого я только не договаривал.

Где он спит

У зала брать нельзя было: там камеры, охрана и Кот, которого там знают в лицо. Нужно было узнать, где машина ночует.

На «четырке» следить было нельзя. Данилову серебристую заниженную с выхлопом знал весь район, её бы запомнили с первого раза. Хирк предложил такси: вторник – один едет за «Хаммером» до первого поворота и выходит. Четверг – другой садится у первого поворота и едет до второго. Как в эстафете. Таксистов он просил не спешить и на чай давал сверху, чтобы не спрашивали.

Заняло это две недели. На карте в телефоне у Хирка появилась красная линия, кусочек за кусочком. От зала в центре она шла в новый спальный район на севере. Там хозяин жил, там машина стояла днём. А по ночам линия делала странную петлю и возвращалась на юг. К нам.

Машину мы нашли случайно, именно тогда, когда перестали искать. Шли вечером вдоль гаражного кооператива «Мотор» за железной дорогой, в трёх кварталах от гаража Данила. И он стоял там, с открытыми воротами бокса, белый, огромный, среди ржавых «шестёрок», как слон в курятнике. Хозяина мы не увидели. Только спину в черном пальто, которая закрывала ворота изнутри.

– Он что, наш сосед? – шёпотом спросил Кот.

– Он прячет, – сказал Седой. – У дома машину такую не оставишь, соседи спросят, откуда. А тут кому дело.

Хорошая была мысль. Никто из нас её не додумал.

В кооперативе «Мотор» каждую ночь собирались пацаны на «шестёрках» и «девятках» с сабами в багажниках. До трёх ночи там тряслось всё, что могло трястись. Сигналку на самой машине хозяин, видимо, снял: от баса она орала бы каждые десять минут. Полагался на ворота и на то, что никто не осмелится.

Об этом тоже стоило подумать. Человек, который так уверен, что никто не осмелится, обычно знает почему.

Репетиция

Данил подошёл к делу как к техосмотру. Два вечера подряд он снимал и ставил колёса на своей «четырке», а Хирк стоял с секундомером. Сначала вышло двадцать восемь минут на четыре колеса. Потом девятнадцать. Потом Данил сказал, что у «Хаммера» колёса втрое тяжелее и болты другие, и купил два недорогих подкатных домкрата на свои деньги. Из тех, что копил на новую выхлопную. Я тогда понял, что он в деле всерьёз.

Седой молчал всю неделю. В пятницу пришёл в гараж поздно, сел на лестницу и сказал:

– Я сестре звонил. Ну, старшей. Спросил, сколько дают за кражу группой лиц по предварительному сговору. Для примера, сказал.

– И что?

– Она спросила: «Стас, ты во что влез?» И молчала в трубку минуту. Всю минуту.

Никто ничего не сказал. Потом Кот бросил в Седого банкой энергетика, тот поймал, и все засмеялись. Так у нас всегда заканчивались серьёзные разговоры. Банкой энергетика.

Ночь с дисками

Мы взяли ночь со вторника на среду. По средам в семь утра «Хаммера» у зала не было, и Хирк по своей карте вычислил, что хозяин забирает машину только к обеду. Значит, до обеда никто ничего не заметит.

В половине первого мы сидели в «четырке» за кооперативом и слушали, как за забором доигрывает последний трек. Потом хлопнули двери, взревели двигатели, и стало так тихо, что было слышно, как тикает остывающий мотор под капотом.

В час ночи я вырубил рубильник на щитке в трехстах метрах от нужного ряда. Фонари вдоль гаражей погасли один за другим, как в кино. Стало темно так, что я не видел своих рук. Только над железной дорогой горел один жёлтый прожектор, и в его свете летали мошки.

Данил возился с замком минуты три. Сычева наука. Я стоял рядом и слышал только его дыхание, ровное, как у спящего. Потом тихий щелчок, и ворота подались.

Внутри пахло дорогим ароматизатором и сигарами. Бокс был чистый, как операционная: стеллажи, канистры в ряд, на стене календарь с девушками в погонах. А посредине, в свете наших фонариков, стоял он. Вблизи он оказался ещё больше. Колесо было мне по пояс.

Кот достал телефон.

– Селфи со слоном, – шепнул он.

Я выбил телефон у него из рук так, что он улетел под стеллаж. Кот обиделся, полез за ним и молча ушёл на угол, смотреть на дорогу. Тогда мне казалось, что я спас нас от его глупости. Смешно. В ту секунду нас уже снимали.

Дальше пошла работа. Данил с Седым подкатывали домкраты, Хирк светил и считал вслух болты, я откатывал колёса к воротам. Каждое весило килограммов сорок. Под мосты мы подкладывали бруски, которые Данил привёз с собой, и «Хаммер» медленно опускался на них, как раненый бык.

На втором колесе закис болт. Данил тянул ключ, и на шее у него вздулась вена. Седой отодвинул его, встал на ключ ногой и надавил всем весом. Болт взвизгнул так, что мы все замерли. Секунд десять никто не дышал. Потом Хирк шёпотом сказал: «Двадцать четыре», – и мы продолжили.

Четвёртый диск я закидывал в багажник, когда из темноты вылетел Кот:

– Мусора!

Погоня

Потом мы долго спорили, была ли это погоня за нами. Может, патруль просто ехал на погасший свет. Может, кто-то из соседних домов позвонил. Может, случайность. Но в ту ночь спорить было некогда. Мы видели сине-красные отблески на стенах гаражей и слышали, как у въезда в кооператив тормозит машина.

Пятеро пацанов, четыре диска по сорок кило и одна «четырка», которая и порожняком едва добирала до сотки. Два диска в багажнике, два на коленях у задних. Кот сидел сложившись пополам, и диск давил ему на ребра. «Четырка» присела так, что заниженный бампер цеплял асфальт на каждой кочке.

Данил не включил фары. Он просто втопил газ и повёл машину в темноту между рядами гаражей, в противоположную сторону от въезда. Я не видел ничего. Он, кажется, тоже. Он помнил.

В конце ряда был тупик. Так я думал. Данил взял вправо, и мы протиснулись в дыру в бетонном заборе, куда летом проезжали мотоциклисты. Зеркало со стороны Седого сложилось с хрустом. Данил поморщился, как от зубной боли, но не сбавил.

За забором был пустырь, потом грунтовка вдоль железной дороги. Машину кидало на ямах так, что диск на коленях у Кота каждый раз бил его в подбородок. Кот ржал. Сначала тихо, потом громче, потом уже не мог остановиться и смеялся со слезами, всхлипывая. Хирк смотрел в заднее стекло и отсчитывал секунды между вспышками мигалки где-то далеко сзади. Седой сидел спокойно, держался за ручку над дверью и молчал. Так он сидел перед схватками на соревнованиях.

А я думал об одном: если нас сейчас возьмут, отец узнает об этом от кого-нибудь из своих знакомых раньше, чем от меня. И первое, что он спросит, – не «как ты?», а «сколько это нам будет стоить?»

Под железнодорожным мостом Данил заглушил мотор. Мы стояли в абсолютной темноте, в луже по ступицу, и слушали. Над головой прошёл товарняк, долгий, вагонов на сорок. Всё тряслось, с потолка сыпалась труха. Когда он ушёл, стало слышно сирену. Далеко. Потом ближе. Потом опять далеко.

Мы просидели там почти три часа. Кот уснул, обняв диск. Хирк держал телефон под курткой, чтобы не светился экран, и читал новости города. Ничего. Когда начало светать, Данил сказал своё первое слово за всю ночь:

– Зеркало.

И поехал к гаражу медленно, как на похоронах.

Армен

Диски надо было продать, и продать быстро. Таких колёс в городе ни у кого не было, и каждый день, пока они стояли у нас под брезентом, был днём, когда нас могли найти.

У Данила был знакомый, Армен, у него шиномонтаж на трассе за городом. Данил там когда-то подрабатывал и знал, что через Армена уходит не только то, что куплено честно. Мы поехали вдвоём, ставить на кон лишние лица не хотели.

Армен вышел из бокса, вытирая руки тряпкой, сдернул брезент и долго смотрел. Провёл пальцем по спице. Перевернул один диск и нашёл на ободе гравировку.

– Откуда?

– Лучше не спрашивай, – сказал я.

Армен посмотрел на меня так, будто я предложил ему купить бомбу.

– Я спрашиваю не для себя, дорогой. Я спрашиваю, чтобы знать, куда их везти. В нашем городе их продать нельзя. В области – тоже. Только в Дагестан или в Армению. Даю пятьдесят тысяч.

– Новые стоят полмиллиона, на вторичке – триста, – сказал Данил.

Армен удивлённо поднял брови. Данил пересчитал спицы вслух, назвал фирму, материал и цену в долларах с доставкой, всё, что нарыл Хирк. Он торговался настолько спокойно и так точно, что я только стоял рядом и делал вид, что так и задумано. Сошлись на ста пятидесяти. Деньги – когда диски доедут. Дней через пять.

Пять дней

Это были самые длинные пять дней в моей жизни. Тогда я так думал.

В понедельник у школы стояла полицейская машина. Я увидел её из автобуса и доехал до конечной, вернулся пешком и опоздал на два урока. Оказалось, участковый читал девятым классам лекцию про вейпы.

Во вторник Хирк прислал в общий чат скриншот из городского паблика: «В районе ж/д вокзала неизвестные обесточили гаражный кооператив». Про «Хаммер» ни слова. Двадцать комментариев про цены на свет. Хирк сделал из этого вывод, что хозяин заявление не писал. И очень обрадовался.

Я тоже обрадовался. Потому что не подумал, почему человек, у которого украли колёса на полмиллиона, не идёт в полицию. Ответ был простой. Он и был полицией.

В среду я прошёл мимо лавки. Сыч сидел на своём месте и не повернул головы. Только когда я уже был у подъезда, сказал мне в спину, не повышая голоса:

– Белый «Хаммер», значит. Ну-ну.

В четверг я не пошёл в школу вообще. Лежал и смотрел в потолок. В детской Томаш учился говорить слово «машина» и повторял его час подряд. А в пятницу вечером Данилу позвонил Армен и сказал одно слово: «Забирай».

Делёж

Сто пятьдесят тысяч пятитысячными купюрами занимают неожиданно мало места. Тридцать бумажек. Данил разложил их на верстаке пятью стопками по шесть, и мы пятеро стояли вокруг и смотрели на них, как на торт со свечами.

Потом каждый взял свою. И по тому, что кто с ней сделал, уже можно было бы догадаться о многом.

Кот в тот же вечер купил кроссовки за пятнадцать тысяч и заказал столик в караоке. Седой перевел десять тысяч матери «за победу на турнире», а остальное спрятал и не трогал. Хирк всё закинул в крипту и следующие две недели смотрел на графики чаще, чем в учебники. Данил поменял зеркало и положил остаток в конверт под сиденьем «четырки».

А я сложил свои тридцать в жестяную коробку из-под чая, и туда же остатки с магазина. На крышке маркером написал: «MR».

Пацаны тоже принесли по части, кто сколько не успел потратить. Сто пятьдесят на пятерых обратно не собрались, но на старт хватало с запасом.

«Мулен Руж» стал реальным. Простой жестяной коробкой на моём столе. Больше всего на свете мне тогда нравилось на нее смотреть.

Полковник

В тот вечер мы сидели на втором этаже гаража и выбирали камеру. Хирк доказывал, что нужна с инфракрасной подсветкой, Данил – что самая дешёвая. И тут в дверь постучали. Не как стучат свои, а три раза, ровно, как по часам.

– Кто там? – крикнул я.

– Откройте. Надо поговорить. – Голос был взрослый, с хрипотцой.

– Это круто, конечно, но это не ответ. Ты кто?

– Откроешь – узнаешь.

Я открыл. На пороге стоял мужик лет пятидесяти, в длинном чёрном пальто, коротко стриженный, с лицом, которое ничего не выражало.

– Я зайду?

– Ну, заходи.

Он оглядел наш диван, колонки, сварную лестницу. Потом сунул руку во внутренний карман. Я не знал, что там, и потянулся к гаечному ключу на верстаке.

Он достал планшет.

На экране были мы. Черно-белая запись, четыре фигуры в масках у белого «Хаммера», домкрат, диски. Камера стояла внутри бокса, на автономном питании. Об этом никто из нас не подумал. Даже Хирк.

– Это не мы. На них маски.

– Нет, Влад. Это ты.

У меня похолодела спина. Приходит тип, знает твоё имя, знает, что ты сделал, а ты о нём не знаешь ничего.

– Откуда ты знаешь моё имя?

– Ребята, вы нарвались не на того. Это мой «Хаммер».

– Так ты и есть тот мент? – вырвалось у Кота.

– Полковник Рябов Глеб Аркадьевич, УВД города. Для друзей просто Полковник. Вы мне не друзья. И если не хотите проблем, вернете диски и двести тысяч сверху.

И тут он достал из кармана пальто пистолет и положил его на наш стол, рядом с планшетом, на котором всё ещё висела страница с камерами. Не навел, просто положил. Это было страшнее.

Дисков уже не было. Денег было сто пятьдесят, и они лежали в жестяной коробке у меня на столе, в трёх кварталах отсюда. Я понимал: отдадим всё – и «Мулен Ружа» не будет никогда. И нет никакой гарантии, что он на этом остановится.

– Дисков нет, – сказал я. – Уехали.

– Куда?

– Далеко.

– В Дагестан, значит. – Полковник кивнул, будто я подтвердил что-то, что он и так знал. – Армен, шиномонтаж на сорок втором километре. Хороший мастер. Жадный только.

Данил дернулся, но промолчал.

– Тогда деньгами, – продолжил Полковник. – Пятьсот. Триста за диски по рыночной и двести сверху, как я и сказал. За беспокойство.

– У нас нет таких денег.

– Есть у тебя отец, Влад. Директор банка. У Вовы – отец главврач. Хорошие люди, уважаемые. Им будет интересно посмотреть кино.

Кот побелел. Впервые на моей памяти ему нечего было сказать.

– А чего вы тогда не пошли к ним? – спросил Хирк. Голос у него дрожал, но он всё равно говорил. – Или в отдел. Заявление, камеры, всё по закону. Сто пятьдесят восьмая, часть вторая,

группой лиц. Если вам нужны деньги, проще через родителей. Если нужна справедливость – через суд. А вы пришли сюда сами. Ночью. С этим.

Он кивнул на пистолет.

Полковник посмотрел на Хирка с интересом, как на собаку, которая вдруг заговорила.

– Отличник?

– Медалист, – сказал Хирк.

– Хорошо. Медалист прав. – Полковник сел на подлокотник нашего дивана, не снимая пальто. – Заявление я писать не буду, потому что тогда в протоколе появится вопрос, откуда у полковника полиции «Хаммер» за двенадцать миллионов и диски за полмиллиона. А к родителям я не пойду, потому что родители заплатят, извинятся и увезут вас на море. А мне с этого что? Деньги. Деньги у меня есть.

– Тогда что вам нужно? – спросил я.

– Вы.

Он сказал это просто, как называют цену.

– Вы пятеро пацанов из хороших семей. Вас не знает ни одна база. Ни одного привода. Отличник, спортсмен, механик, мажор и сын банкира. Вас никто ни в чём не заподозрит, даже если увидит. А вы, как выяснилось, умеете вскрывать гаражи, вырубать свет на целый кооператив и уходить от патруля без фар по железке. Это, между прочим, мой патруль был. Я впечатлен.

Седой медленно поднялся с лестницы. Не резко, без угрозы, просто встал, как встают перед схваткой. Ноги чуть шире плеч, руки свободно. Полковник скосил на него глаза и не пошевелился.

– Сядь, чемпион. Я двадцать лет в органах, а ты мне руку сломаешь и на зону поедешь к своей сестре. Ей на работе будет неловко.

Седой не сел. Но и не двинулся. Он знал, где проходит граница, лучше нас всех.

– Значит, так, – сказал я, и голос у меня прозвучал спокойнее, чем я ожидал. – Денег столько у нас нет. Дайте нам время. Или работу.

Полковник долго смотрел на меня. Потом улыбнулся, впервые за вечер. И сказал то, что потом стало нашей смертью. В прямом смысле слова.

– Работу? Хах. Будет тебе работа, банкир. Две хаты, одной ночью. Вы заходите, берёте то, что я скажу, и приносите мне. Всё, что найдёте в сейфах, – моё. Наличка, бумаги, флешки, до последней скрепки. Вам за работу – сто пятьдесят. Колёса спишу. И кино удалю.

– Чьи хаты?

– Узнаешь, когда позвоню.

– А если там сигналка? Охрана? Если кто-то дома?

– Для этого у вас медалист есть. Пусть думает. – Полковник встал, поправил пальто. – Попадетесь – я вас не знаю. Расскажете про меня – я вас не просто не знаю. Я вас уложу. Каждого. Вову в морге у папы, чемпиона на ковре, механика в его ведре на колёсах. Понятно объясняю?

– Сто пятьдесят – это мало, – сказал я.

Не знаю, зачем я это сказал. Наверное, потому что мне было семнадцать и я хотел, чтобы последнее слово осталось за мной.

Полковник замер. Кот за моей спиной тихо выдохнул что-то вроде «ты дурак?».

– Мало?

– За две квартиры с сейфами. Пятерым. Сколько там в сейфах? Миллион? Два?

– А сколько стоит кино, где ты в маске снимаешь колесо с машины полковника?

– Ровно столько, сколько стоит вопрос, откуда у полковника такая машина.

Тишина была такая, что я слышал, как гудит холодильник внизу. Хирк закрыл глаза. Данил смотрел на пистолет. Мне казалось, что сейчас всё и закончится. Прямо тут, на втором этаже гаража, под медалью Седого.

А потом Полковник засмеялся.

Смеялся он странно: всхлипами, слишком долго, как смеётся человек, у которого в голове что-то не так. Согнулся, уперся ладонью в колено и смеялся, вытирая глаза.

– Бесстрашный, блин… Ха-ха… Сто пятьдесят сейчас. Если всё пройдёт чисто – сто пятьдесят сверху. Договорились, банкир?

– Мы согласны, – сказал я.

Не спросив пацанов. Это была моя первая настоящая ошибка как лидера. Далеко не последняя.

– Жди звонка, малый. Завтра днём. – Полковник взял со стола пистолет, сунул в карман и пошёл к лестнице. На второй ступеньке обернулся. – Кстати, медаль хорошая. Второе место – это когда пожалел. Я в курсе, я в зале был. Своего племянника смотрел. У тебя, чемпион, руки правильные, а голова нет. Голову в нашем деле надо выключать.

И ушёл, всё ещё посмеиваясь.

– Пошёл я, пока у меня сердце от смеха не встало, – донеслось уже снизу.

В тот момент я искренне хотел, чтобы оно встало.

Дверь внизу хлопнула. Мы стояли и слушали, как по гравию отъезжает машина. Только когда звук пропал совсем, Седой первым пришёл в себя:

– Это что сейчас, мать вашу, было?

Будь у него волосы не седые, они бы сейчас поседели.

– Это я нас спас, – сказал я. – Он мог пристрелить всех тут же. Не за что.

– Спас? – Седой подошел ко мне вплотную. Он был ниже меня на полголовы, но в тот момент казался огромным. – Ты с ним торговался, Влад. С ментом. С пистолетом на столе. Ты нас всех на кон поставил ради ещё ста пятидесяти.

– Я поставил нас на кон, чтобы он понял, что мы не лохи. Если бы мы молча кивнули, он бы нас доил до пенсии.

– Он и так будет, – тихо сказал Хирк. Он сидел на ступеньке, обхватив колени, и смотрел в пол. – Вы не поняли? Он сказал «удалю кино». Кино не удаляют. Его копируют. Мы теперь у него навсегда.

– Да ладно вам, – Кот наконец ожил и полез в холодильник за энергетиком. Руки у него тряслись так, что банка выскользнула и покатилась по полу. – Две хаты, триста тысяч. Это же, по сути, наш старт. «Мулен Руж» будет к Новому году. Чего вы такие кислые? Влад его сделал. Вы лицо его видели, когда он про машину сказал?

– Я видел пистолет, – сказал Седой.

– А если нас повяжут? – спросил Данил. Спокойно, как спрашивают, сколько стоит запчасть.

Все повернулись к нему. Данил так и сидел на диване, где сидел весь разговор, и крутил в пальцах ключ от «четырки».

– Он сказал: попадетесь – не знаю. Значит, мы сядем, а он нет. Я не против работы. Я против того, чтобы сидеть за чужое.

На этот вопрос у меня ответа не было. Я сказал что-то про то, что мы не попадемся, что Хирк всё продумает, что у нас уже был «Хаммер», и там тоже никто не верил. Слова были правильные. Никто в них не поверил, даже я.

Мы разошлись молча. Я пошёл домой, взял из отцовского бара виски и до трёх ночи смотрел какой-то сериал, не понимая ни слова. Черная карта лежала в ящике стола, прямо под жестяной коробкой с надписью «MR». И мне впервые пришло в голову, что отец, наверное, тоже когда-то думал, что торгуется.

Две хаты

На следующий день зазвонил телефон. Номер был козырный: шесть девяток и ноль. Я даже не сомневался, чей он.

Разговор занял минуту. Два адреса, два имени, один срок: через четыре дня. И куда привезти то, что возьмем.

С пацанами мы встретились в «Маке» у вокзала. Выходной, дети орут, никому нет дела до пятерых школьников в углу.

– Две квартиры разом, – сказал я. – Первая – адвоката, Штерн Олег Маркович. У него с Полковником какие-то тёрки. Вторая – его любовницы.

– А кто любовница? – Данил впервые за весь разговор оторвал взгляд от стены.

– Судья. Лаврова Инна Сергеевна.

Седой присвистнул:

– Погоди. Это же подруга твоей матери.

– Да. Поэтому главное – не попасться. Родаки за меня мазу тянуть не будут. Они меня сами сдадут, чтобы банк не задело.

План я придумал еще ночью. У судьи есть муж, Павел. Не работает, живёт на её деньги и каждый вечер сидит в баре до закрытия. Такие любят сильнее всех, потому что без нее он никто.

– Смотрите. Мы показываем мужу, что жена у адвоката. Он вылетает из дома и забывает про сигналку – минус одна хата. Прилетает к адвокату, скандал, утаскивает её оттуда, адвокат несётся следом – минус вторая. Один истерический мужик открывает нам обе двери.

– А если он его убьёт? – спросил Хирк.

– Он алкаш, а не убийца, – сказал я. И сам в это поверил.

– Ну, план норм, – пожал плечами Хирк. – Я в деле.

– Если идти, то до конца, – сказал Кот.

– Я с вами.

– И я.

Нас было пятеро. Нам было по семнадцать. И никто не сказал «нет».

Детки

Для плана нужны были глаза: когда судья ездит к адвокату, сколько у него сидит, в каком баре пьёт её муж и до которого часа. И нужны были фото. Без фото муж никуда не побежит. Записке он не поверит, слухам тоже. Поверит только тому, что увидит сам.

Сами следить мы не могли. Пятеро пацанов в одной и той же «четырке» под окнами судьи – это не слежка, это явка с повинной. Тем более судью я знал с детства. Она сидела у нас на кухне по пятницам, пила с мамой вино и называла меня «наш маленький банкир». Узнала бы меня с другого конца улицы.

Где взять глаза, я не знал.

Сыч сидел на своей лавке, как всегда, в той же куртке и с той же семечковой кучкой у ботинка. Я сел рядом. Он не повернул головы.

– Опять ты.

– Опять я.

– Колёса продал?

– Продал.

– И теперь хозяин колёс к тебе пришёл.

Это был не вопрос. Я даже не стал спрашивать, откуда он знает. Сыч всегда всё знал. Иногда мне казалось, что он сидит на этой лавке, как паук посреди паутины, и чувствует каждую нитку во всём районе.

– Мне нужно, чтобы за двумя людьми походили неделю, – сказал я. – Тихо. Чтобы никто не заметил.

Сыч долго молчал. Потом сплюнул шелуху.

– Слежка – не ко мне. Я своё отходил. И тебе скажу одно, хоть ты и не спрашивал: когда мент просит пацанов сделать работу, которую сам может сделать по-тихому, значит, работа грязная. Такая, где крайний нужен.

– Я понял.

– Ничего ты не понял. – Он наконец посмотрел на меня. Глаза у него были светлые и спокойные, как у старого пса. – Ладно. Слежка – это к твоему другу из «Мака». Тот, которого ты кормил. Он и его детки весь город видят. А их никто.

Шнурок нашёлся на вокзале на следующий день, у касс пригородных поездов. Он сидел на подоконнике и грыз семечки точь-в-точь как Сыч. Увидел меня, спрыгнул и улыбнулся во весь рот, где не хватало одного зуба сбоку.

– О, бургер!

Так он меня звал с того дня в «Маке». Бургер. Я не возражал.

За ним ходили ещё человек шесть таких же. Детдомовские, беспризорные, просто ничьи. Самому мелкому на вид было лет девять, старшему – пятнадцать. Одна девчонка, Ника, худая, в огромной мужской куртке, с телефоном, у которого экран был разбит в паутину. Их никто не замечал. Мимо них проходили, как проходят мимо урны или столба. И никто бы их не искал, если бы они пропали. Сыч звал их «детки». Как будто они были его, хотя он за них не отвечал и денег с них не брал.

Мы сели за столик в том же «Маке». Я взял им всё меню. Они ели молча, быстро, закрывая еду локтем, будто кто-то мог отнять. Я смотрел и думал, что у меня дома в холодильнике лежит икра, которую никто не ест.

– Работа есть, – сказал я, когда они доели.

– Какая? – Шнурок вытер руки о штаны.

– Два человека. Женщина и мужик. Надо знать, где они бывают, когда, с кем. И ещё один мужик – её муж. Где пьёт, до скольки. Неделя. И фото, где женщина и тот мужик вместе. Чтобы без сомнений.

– Без сомнений – это чтобы сосались? – уточнила Ника.

Пацаны заржали. Я кивнул.

– Это чтобы сосались.

– А чё они сделали?

– Ничего. Просто нужно.

Шнурок посмотрел на меня долго, по-взрослому. Ему было двенадцать, но взгляд у него был, как у Сыча. Взгляд человека, которому много раз врали, и он научился это видеть.

– Если менты прицепятся, мы тебя не знаем, – сказал он. – Понял, бургер?

Это было смешно. Двенадцатилетний пацан говорил мне то же самое, что вчера сказал Полковник. Попадёшься – я тебя не знаю. Видимо, это был главный закон взрослой жизни, и все его знали, кроме меня.

Я выложил на стол сорок тысяч. Восемь пятитысячных. Это было больше, чем все они вместе видели за последние полгода. Ника вздохнула. Самый мелкий потянулся потрогать. Шнурок шлепнул его по руке, сгрёб купюры, сложил пополам и сунул за пазуху.

– Сделаем, король.

Король нищих, ага. С айфоном, в куртке за восемьдесят тысяч и с папой-банкиром.

Я вышел из «Мака» на улицу. Была весна, первая по-настоящему тёплая неделя. Модники в подвёрнутых джинсах, девчонки в мини-юбках, будто завтра лето. Бабушки штурмуют автобус, как Зимний. Голуби дерутся за булку возле ларька с шаурмой. Я, как всегда, в чёрном: спортивная куртка Philipp Plein, прямые штаны из Zara без всяких лампасов и резинок, Nike Air Monarch, носки с яичницей, кепка «Юность». Я шёл по своему городу, как по своей квартире, и думал, что через четыре дня либо всё начнётся, либо всё закончится. Третьего варианта я не видел.

Детки отработали на совесть.

Каждый вечер Шнурок присылал мне голосовые с чужого номера. Говорил коротко, поделовому, иногда на фоне орал вокзальный громкоговоритель. «Баба вышла из суда в шесть десять. Села в белую «Камри». Поехала не домой. Ника за ней на маршрутке». «Мужик её в «Пинте» с семи. Пьёт пиво, потом водку. Бармен его Пашей зовёт. Ушёл в полдвенадцатого, держался за стенку». «Адвокат живёт один. Консьержки нет. Домофон сломан, дверь подпирают кирпичом».

Через три дня у меня был график обоих. По вторникам и четвергам судья после работы ехала не домой, а к Штерну. Мужу говорила, что засиделась с делом. Муж в это время уже сидел в «Пинте», в двух кварталах от дома, за одним и тем же столиком у окна. Он всегда садился лицом к двери. Как будто кого-то ждал.

И ещё у меня были три фотографии. Ника сделала их через стекло припаркованной машины, на свой разбитый телефон. Фото получились мутные, с трещиной через угол, но этого хватало. Судья Лаврова целует адвоката Штерна у подъезда. Судья Лаврова у его машины, рука на его груди. Судья Лаврова в окне третьего этажа, без пиджака.

Сомнений не оставалось.

Я долго сидел над этими фото. Это была та же женщина, которая учила меня играть в «Монополию», когда мне было семь. Которая подарила мне на десять лет первые часы. Которая в прошлую пятницу сидела у нас на кухне и жаловалась маме, что Паша опять пьёт и что она так больше не может.

Я распечатал фото у Хирка на принтере, сложил в прозрачную папку и на обороте последнего написал адрес Штерна. Почерком, которым никогда в жизни не писал. С наклоном влево.

Шнурку я отдал ещё десятку сверху. Он взял, не сказав спасибо. Потом, уже уходя, обернулся:

– Бургер. Тот мужик, Паша. Он каждый вечер бутылку с собой берёт. Ставит под стол. Не пьёт, просто держит рядом. Мы думали, может, тебе надо знать.

Мне надо было знать. Я не придал этому значения.

Ночь

Был четверг. Оба работали до шести. В восемь пятнадцать белая «Камри» судьи встала у дома Штерна. Ника отписалась одним словом: «Тут». Дома судья сказала мужу, что задержится с делом, ей нужно дописать приговор. Муж в это время уже сидел в «Пинте» за своим столиком лицом к двери.

Мы разделились ещё днём, в гараже, по плану, который Хирк нарисовал на листе А4 и потом сжёг в бочке. Я, Седой и Хирк – к дому судьи. Данил везёт Кота к «Пинте», высаживает за углом и едет к дому Штерна ждать. Кот делает своё дело в баре и добирается к Данилу на такси.

Дом судьи был новый, кирпичный, с консьержем и видеодомофоном. На это мы и рассчитывали меньше всего, и тут нам повезло. На посту сидел Женя Гуров, пацан из нашей школы, на два класса старше. После одиннадцатого он никуда не поступил и устроился сюда охранником сутки через трое. Я однажды отмазал его от драки на дискотеке, и он это помнил.

На нас были одинаковые серые комбинезоны из строительного магазина. В руках – пластиковые ящики для инструментов. У Седого через плечо – моток стрейч-плёнки.

– Здорово, Влад. Вы куда такие красивые?

– Диван собирать. Подработка. Мужик на девятом заказал.

– На ночь глядя?

– Днём он на работе. Платит двойной.

Женя зевнул и махнул рукой на лифт. Он даже не спросил, в какую квартиру. Потом, через месяц, когда его будут допрашивать, он скажет, что ничего не помнит. Не знаю, из-за меня или просто так.

Квартира судьи была на восьмом. Мы поднялись на девятый, встали у мусоропровода и стали ждать. Хирк держал телефон и смотрел на время. Седой стоял, прислонившись к стене, и молчал. Я снял перчатку, надел, снова снял. В подъезде пахло новой краской и чьим-то ужином с чесноком.

– Если он не поверит? – шёпотом спросил Хирк.

– Поверит.

– А если он позвонит ей и она скажет, что на работе?

– Тогда он придёт домой, посмотрит фото и позвонит ей снова. И она снова скажет, что на работе. А на фото она в окне Штерна без пиджака.

Хирк замолчал. Седой посмотрел на меня так, будто впервые меня видел.

В полдевятого Кот зашёл в «Пинту». Он потом рассказывал это раз двадцать, каждый раз по-новому, но суть была одна. Он взял пиво у стойки, прошёл мимо столика у окна и задел Лаврова плечом так, что у того плеснуло из кружки. «Извини, братан». И вместе с извинением сунул ему в нагрудный карман сложенную записку: «Дома тебя ждут плохие новости. Про жену». Кот вышел, не оборачиваясь, свернул за угол и только там понял, что так и держит в руке чужое пиво. Поставил его на подоконник чьего-то окна, вызвал такси и всю дорогу до дома Штерна, по словам водителя, барабанил пальцами по колену.

Лавров сидел над запиской еще минуту. Это нам потом Шнурок рассказал, он стоял у окна бара с той стороны улицы. Перечитал, сложил, развернул и снова перечитал. Потом встал, оставил на столе недопитую кружку и вышел. Бутылку из-под стола он взял с собой.

Через десять минут Хирк поднял голову. Внизу ожил лифт. Мы слышали, как он ползёт вверх, этаж за этажом, с тем стариковым скрипом, какой бывает только у новых лифтов.

Я натянул маску, кепку и темные очки. Это выглядело глупо: в маске и очках в подъезде в девятом часу вечера. Но выбора не было. Он меня знал. Он сидел на моём выпускном из девятого класса за одним столом с моими родителями.

Лифт остановился на восьмом. Я спустился на пролет и встал у его двери.

Лавров вышел из лифта красный, запыхавшийся, со сбитым набок шарфом. Бутылка торчала из кармана пальто. Он увидел меня и замер. Человек в маске у его двери. Наверное, в первую секунду он подумал, что я пришел его убить.

Я протянул ему папку.

– Посмотри дома.

Голос я специально сделал ниже. Он взял папку машинально, как берут рекламную листовку у метро. Посмотрел на меня. Хотел что-то спросить. Я уже шагнул мимо него в лифт и нажал первый этаж.

Двери закрылись перед его лицом. Последнее, что я увидел, – как он открывает папку прямо на площадке, не заходя в квартиру.

Я доехал до первого, кивнул Жене, он сидел в телефоне и не обратил на меня внимания. Я вышел на крыльцо, обошёл дом и вернулся через пожарную лестницу, которую Хирк заранее оставил открытой. Поднялся на девятый. Седой и Хирк стояли там, где я их оставил. Хирк показал мне три пальца. Три минуты. Дверь Лаврова за это время не хлопнула ни разу. Он был внутри.

Через пять минут она распахнулась так, что ударилась о стену.

Лавров вылетел на площадку и не стал ждать лифта. Мы слышали, как он бежит вниз по лестнице, пролет за пролетом, грохоча ботинками по бетону, и как в какой-то момент споткнулся и выругался. Потом хлопнула дверь подъезда. Потом взревела машина. Всё стихло.

Дверь квартиры судьи осталась открытой. Свет в прихожей горел. Сигналку он, конечно, не поставил.

Психология сработала точно так, как я рассчитывал. Секунда в секунду, шаг в шаг. И от этого мне вдруг стало не по себе. Будто я не план придумал, а нажал на кнопку внутри живого человека. И кнопка сработала.

– Пошли, – сказал Седой. Он первым двинулся вниз.

Квартира судьи была большая, светлая, с паркетом ёлочкой и запахом дорогих духов. В прихожей на полу лежала наша папка. Фотографии рассыпались веером. Одна была смята, как будто её сжали в кулаке. На кухне на столе стояла недопитая чашка кофе, рядом лежали очки для чтения и раскрытая папка с делом. Судья работала дома. Или делала вид.

Мы прошли квартиру за двадцать минут. Хирк заранее составил список, где обычно прячут деньги, по статистике МВД. Он нашёл её где-то на форуме. Морозилка – пусто. Бачок унитаза – пусто. Ящик с бельём – пусто. А потом Седой провёл рукой по книжному шкафу в кабинете и остановился на толстом синем томе. Уголовный кодекс Российской Федерации с комментариями. За ним стояла коробка из-под конфет, а в коробке – наличка, перетянутая банковскими резинками.

– Прячет как бабка, – хмыкнул Седой. – За Уголовным кодексом. Символично.

Это была его единственная шутка за весь вечер.

Дальше – шкатулка в спальне. Кольца, серьги, двое мужских часов, судя по весу золотых. Конверт с валютой в ящике стола. И сейф. Маленький, в шкафу, под стопкой полотенец. Ключ Хирк нашёл через три минуты в сахарнице на кухне. В сейфе лежали бумаги: какие-то договоры с печатями, выписки, флешки. Я не стал смотреть. Полковник сказал: всё до последней скрепки.

Всё ушло в ящики для инструментов. Мы же сборщики мебели.

На выходе я поднял с пола нашу папку и фотографии. Все три. Смятую расправил. Оставлять их было нельзя. А ещё мне почему-то не хотелось, чтобы она их увидела, когда вернётся. Глупо. Она увидит кое-что похуже.

Женя на посту смотрел футбол на телефоне.

– Собрали?

– Собрали. Хреновый диван, икеевский.

– Они все такие.

Такси мы вызвали за два квартала, к круглосуточной аптеке. Таксист был узбек, слушал свою музыку и ни разу не посмотрел в зеркало. Через двенадцать минут мы стояли у дома Штерна.

Данил ждал нас в «четырке» у соседнего подъезда. Кот сидел рядом с ним на пассажирском и курил, хотя бросил ещё в десятом классе. Приехал минут за пять до нас.

– Он там, – сказал Данил. – Минут десять как зашёл. Дверь подъезда кирпичом подперта, Шнурок не соврал. С третьего этажа уже орут.

Мы поднялись на четвёртый, выше квартиры Штерна, и встали у окна на лестнице. Из-за двери адвоката орали. Сначала в два голоса. Мужской, низкий, и женский, срывающийся. Потом в три. Третий голос был спокойный, адвокатский, с поставленными паузами. Он что-то объяснял. «Павел, давайте как взрослые люди». Потом что-то разбилось. Звонко, как бокал. Потом ещё раз, глухо, как ваза.

– Он его убьёт, – прошептал Хирк.

– Он алкаш, а не убийца, – сказал я. Уже второй раз за неделю.

Дверь распахнулась.

Лавров тащил жену за руку, как ребёнка, которого уводят из магазина. Она была в одном коротком шелковом халате, босиком. Волосы растрепаны, тушь по щекам. Она плакала и говорила что-то вроде «Паша, Паша, ну пожалуйста», а он не слушал, тащил её к лифту. Даже сейчас, заплаканная, босая, она была красивая. Такая, что на секунду я понял и Штерна, и Полковника, и вообще всех мужиков, которые ради таких женщин делали глупости.

Штерн выскочил следом в одних брюках, без рубашки, с порезанной ладонью, которую прижимал к груди. Он кричал что-то про заявление, про то, что Лаврову это так не пройдет, что он адвокат и знает, что говорит.

Двери лифта захлопнулись. Штерн постоял секунду, выругался и побежал вниз по лестнице, оставляя на ступеньках капли крови.

Дверь адвоката осталась открытой.

Один истерический мужик открыл нам обе двери. Ровно как я обещал пацанам в «Маке».

Ещё двадцать минут. У Штерна оказалось больше, чем у судьи. Гораздо больше. Сейф в его кабинете был серьёзный, в стене, за картиной с парусником, но открытый. Видимо, он что-то доставал при ней и не успел закрыть. Пачки денег, евро и доллары, папки с документами, кожаная записная книжка, две флешки и пистолет, который Седой брать отказался наотрез. «Нет. Это нет». Мы оставили его там.

По самым скромным подсчетам Данила, в ту ночь мы вынесли два миллиона. Данил потом пересчитывал трижды, и каждый раз выходило немного больше.

Всё шло как часы. Каждый винтик на своём месте. Мне нравилось. Честно, мне тогда было хорошо, как никогда в жизни. Ни одна вписка, ни один коктейль в «Белладжио», ни одна девчонка не давали мне такого чувства. Будто весь город – шахматная доска, а я единственный, кто видит её сверху.

Мы вышли из подъезда с ящиками в руках. Данил уже подогнал «четырку» к самому крыльцу и открыл багажник.

И тут я их увидел.

Они стояли у соседнего подъезда, под фонарем, все трое. Видимо, Штерн догнал их у машины. Судья плакала, обхватив себя руками, и мелко дрожала в своем халате. Штерн что-то доказывал, тыча Лаврову пальцем в грудь, и кровь с его ладони оставляла на пальто Лаврова тёмные пятна. Я слышал обрывки: «...ты никто...», «...на её деньги живёшь...», «...посмотри на себя...».

Лавров молчал. Он стоял, опустив голову, и молчал, пока Штерн говорил. А потом достал из кармана бутылку. Ту самую, которую каждый вечер ставил под стол и не пил. Посмотрел на неё, будто впервые видел. И разбил о спинку скамейки.

Звук был негромкий. Будто просто уронили.

Штерн не успел ни отступить, ни закрыться. Лавров воткнул розочку ему в шею. Один раз. Коротко, без замаха.

Штерн сел на асфальт. Медленно, как садятся уставшие люди. Потом лёг на бок. Рука его еще шарила по асфальту, будто он что-то уронил и пытается найти.

Судья закричала так, что в доме напротив один за другим зажглись окна.

Лавров стоял над ним с горлышком бутылки в руке. Потом бросил его, сел на скамейку и закрыл лицо руками.

А ведь я сказал: «Он алкаш, а не убийца». Два раза сказал.

– Влад, – Седой сжал мое плечо так, что стало больно. – Влад. В машину. Сейчас.

Он единственный из нас не растерялся. Потом я часто об этом думал. Седой, который отпускал болевой, чтобы не сломать сопернику локоть, первым понял, что мы ничем не можем помочь человеку на асфальте. Он понял это раньше всех. Наверное, потому что из нас пятерых он один по-настоящему знал, что делает с человеком лишняя секунда.

Мы закинули ящики в багажник и уехали. Данил вырулил со двора без фар, как тогда, с дисками. Где-то сзади уже выла сирена: в доме напротив кто-то успел позвонить.

В машине никто не сказал ни слова. Только Хирк один раз тихо спросил: «Он умер?» Никто не ответил. Все знали ответ.

В гараже мы переоделись. Комбинезоны, маски, перчатки, кепки – всё в бочку. Данил облил бензином и поджёг. Мы стояли вокруг и смотрели, как горит. Огонь отражался в медали Седого на гвозде над верстаком.

Кот сидел на лестнице и смотрел в одну точку. Впервые за все годы, что я его знал, он молчал так долго. Ни шуток, ни понтов, ни «да ладно вам». Просто сидел, сцепив руки, и смотрел в стену.

У Хирка тряслись руки. Впервые за все наши дела: после магазина, после дисков, после Полковника с пистолетом руки у него были спокойные. А сейчас тряслись так, что он не смог расстегнуть молнию на комбинезоне, и Данил расстегнул её за него.

Данил был спокоен. Совсем. Это было страшнее всего. Он сложил ящики у ворот ровной стопкой, закрыл бочку крышкой, проверил замок. И только потом я заметил, что он трижды переставил одну и ту же канистру с места на место.

Седой стоял у бочки и смотрел в огонь.

– Это мы его убили, – сказал он. – Не Паша. Мы.

Никто ему не ответил.

Я смотрел на ящики у ворот. Два миллиона чужих денег, чужие бумаги, чужие флешки. И думал не о Штерне. Не о судье. Не о Лаврове на скамейке. Я думал о том, что скажет Полковник. Мне потом за это было стыдно сильнее, чем за всё остальное.

Потом мы поехали к Полковнику.

Расчёт

Полковник ждал нас на старой лодочной станции за городом. Позвонил, когда мы еще жгли маски, сказал одно слово: «Лодочная». Как будто мы все знали, где это. Знал Данил. В детстве отец возил его туда рыбачить, пока ещё не пил.

Дорога шла вдоль реки, по разбитой бетонке, через дачи, где не горело ни одного окна. «Четырку» кидало на стыках плит, и ящики в багажнике каждый раз глухо лязгали. На каждом лязге Кот вздрагивал.

Станция стояла на самом берегу: длинный ангар из ржавого профлиста, перевернутые лодки на козлах, мостки, уходящие в чёрную воду. Фонарь над воротами горел жёлтым, вокруг него вилась мошкара. Собака на цепи, огромная, лохматая, даже не залаяла. Встала, посмотрела на нас и легла обратно. Видимо, привыкла, что сюда по ночам приезжают с ящиками.

У ангара стоял белый «Хаммер». Уже на новых дисках. Хромированных, ещё больше прежних, с тонкими спицами, как у велосипеда. Я почему-то зацепился взглядом именно за них. Мы рисковали за его колёса, бегали от патруля, сидели три часа под мостом в луже. А он поставил новые за неделю. Как будто сменил носки.

Полковник вышел из ангара в той же длинной куртке, с кружкой чая в руке. Пар поднимался от кружки в холодный воздух.

– Заносите.

Мы занесли. Внутри пахло бензином, тиной и сырой древесиной. Посередине стоял стол из двух бочек и двери, над ним лампа на проводе. Мы поставили ящики в ряд. Пять штук. Отошли к стене, как в школе, когда учитель проверяет контрольные.

Он открывал ящики по одному, не спеша, как подарки на Новый год. Отставил кружку. Деньги считать не стал. Посмотрел на пачки, провёл по ним большим пальцем, как по колоде карт, и кивнул, будто узнал старых знакомых. Украшения судьи отодвинул в сторону, не глядя. Часы взвесил на ладони и тоже отложил.

А потом достал из третьего ящика кожаную папку с бумагами. Ту, что лежала у Штерна в сейфе за картиной с парусником. Открыл, пролистал несколько страниц, задержался на одной. И впервые за вечер улыбнулся. По-настоящему, без своего странного смеха. Как улыбается человек, который долго что-то искал и наконец нашёл.

И тут до меня дошло.

У Полковника со Штерном были не тёрки. Штерн держал его деньги и его бумаги. Был его кошельком, его сейфом, его страховкой. А потом что-то пошло не так, и кошелёк перестал отдавать. Полковник не мог прийти к нему сам: у адвоката были бы копии, связи, свидетели. Ему нужен был кто-то, кого не жалко. Пятеро пацанов в масках, которых никто не знает. А мы просто принесли хозяину его же вещи, как курьеры из службы доставки.

Только курьеры не видят, как на асфальте умирает человек.

– Флешки, – сказал Полковник, не поднимая головы. – Сколько было?

Я посмотрел на Седого. Седой – на Хирка.

– Две, – сказал Хирк. Голос у него был ровный.

Полковник кивнул, достал из ящика две флешки, повертел их в пальцах и положил во внутренний карман.

– Адвоката вашего зарезали, – сказал я.

Мне хотелось, чтобы это прозвучало как обвинение. Получилось как сводка новостей.

– Знаю. – Полковник закрыл папку. – Мне позвонили через десять минут после того, как он лёг. Это мой город, Влад. Мне про него всё звонят.

– Это был его муж. Лавров. Розочкой.

– Знаю. Паша сейчас в изоляторе, плачет и говорит, что не хотел. Жена-судья – свидетель. Мотив – ревность. Орудие – с его отпечатками. Самое чистое дело за год. – Он посмотрел на меня поверх лампы. – Вас там не было.

– Мы там были.

– Нет. – Полковник сказал это мягко, почти ласково. – Вас там не было. Охранник ваш, Гуров, в доме судьи ничего не видел, я с ним утром поговорю. Записку в баре Паша выбросил, или не было никакой записки, он же пьяный был, ему показалось. Фото… – Он посмотрел на меня. – Фото ты забрал. Молодец. Я видел, что забрал.

У меня похолодела спина. Значит, кто-то из его людей стоял там. Смотрел на нас. Смотрел, как Лавров разбивает бутылку. И не вмешался.

Он протянул мне пачку, потом ещё две.

– Триста. Сто пятьдесят обещал, сто пятьдесят сверху – за то, что всё прошло чисто. И за то, что вас там не было. Долг за диски считаю закрытым.

Пачки были тяжёлые и тёплые, будто он держал их в руках весь вечер.

Данил стоял рядом и молча считал. Я видел, как двигаются его губы. Два миллиона минус триста. Он всегда считал, когда нервничал. Так другие грызут ногти.

– Закрытым? – переспросил я.

– Долг – да. – Полковник засмеялся своим странным смехом, всхлипами, вытирая глаза костяшкой пальца. – А вот дружба наша только начинается. Вы же теперь свидетели убийства, ребята. И соучастники кражи у федерального судьи. И организаторы, если по-честному. Запи-

сочка, фоточки, папочка. Красиво придумано, банкир. Я бы так не смог. Такие друзья на дороге не валяются.

– Мы не будем больше на вас работать, – сказал Седой.

Это были его первые слова за вечер. Он стоял у стены, скрестив руки, и смотрел на Полковника тем взглядом, каким смотрел на соперника перед схваткой.

Полковник медленно повернулся к нему.

– Чемпион. Ты сегодня сколько километров проехал на машине с краденными часами судьи? Двадцать? Тридцать? На каждом посту ДПС стояли мои люди. Каждый мог вас остановить. Ни один не остановил. Как думаешь, почему?

Седой не ответил.

– Вот и я не знаю, – сказал Полковник. – Повезло, наверное.

Он подошёл ко мне вплотную. От него пахло чаем с бергамотом и дорогим одеколоном, и этот запах я запомнил на всю жизнь. Похлопал меня по щеке. Два раза. Не больно. Как собаку, которая хорошо принесла палку.

– Иди домой, банкир. Поспи. Скоро позвоню.

Мы вышли. Собака у ворот опять подняла голову и посмотрела нам вслед. Без злости, без интереса. Просто запомнила.

В машине на обратном пути никто не говорил. Данил вёл медленно, ровно сорок, хотя бетонка была пустая до самого города. Кот уснул, привалившись головой к стеклу, и во сне у него дергалась нога. Седой смотрел на реку, пока её было видно, а потом просто в темноту.

Пачки лежали у меня на коленях. Я так и не положил их в бардачок.

Только Хирк всё время держал руку в кармане куртки. Всю дорогу, все сорок минут, ни разу не вынул. Сжимал там что-то так, что побелели костяшки. Я тогда подумал, что у него там ингалятор. Что у него от всего этого началась астма, а признаться стыдно.

Ошибся.

Тётя Инна

Про Штерна написали все местные паблики, уже к утру. «Ревнивый муж убил известного адвоката». «Кровавая драма у подъезда на Садовой». «Судья, адвокат и муж: любовный треугольник закончился трагедией». Под каждым постом по триста комментариев. Половина жалела судью, половина писала, что так ей и надо. Кто-то выложил фото скамейки, огороженной красно-белой лентой, с тёмным пятном на асфальте. Я смотрел на это пятно дольше, чем стоило.

Лаврова взяли там же, у скамейки. Он даже не пытался уйти. Так и сидел, закрыв лицо руками, когда приехал наряд. Соседка с первого этажа рассказала журналистам, что он всё время повторял одно и то же: «Я не хотел. Мне принесли. Я не хотел». Журналисты решили, что он про бутылку.

Про кражи не писал никто. Ни слова о вскрытой квартире судьи, ни слова о сейфе Штерна. Будто той части ночи вообще не было. Я три дня обновлял ленту каждые полчаса. На уроках, в туалете, ночью под одеялом. Пока не понял: не напишут. Кто-то заботился.

Пацанов я эти три дня почти не видел. В гараж никто не приходил. В общем чате была тишина, только Кот один раз прислал мем с котом в тюремной робе и через минуту удалил. Хирк не ходил в школу, сказал классной, что болеет. Седой ходил, но сидел на последней парте и не поднимал головы. Данил, по словам его соседа, три дня подряд не вылезал из-под «четырки», хотя чинить там было нечего.

А в субботу к нам пришла судья.

Я проснулся около одиннадцати от голосов на кухне. Спустился за водой и встал в дверях.

Она сидела с матерью за столом. Серая, без макияжа, в чужом растянутом свитере, который был ей велик. Волосы собраны кое-как, на запястье резинка. Под глазами тени, будто она не спала все эти три дня. Возможно, так и было. Та самая женщина, которую неделю назад я видел в шёлковом халате под фонарём, босиком, с размазанной по щекам тушью.

Для меня она всю жизнь была тётей Инной. Она дарила мне лего на дни рождения, всегда самое большое, такое, что потом собирал весь вечер с отцом. Учила меня играть в «Монополию» и поддавалась так, что я не замечал. На мои десять лет подарила первые настоящие часы. Сказала тогда: «Мужчина должен знать, сколько у него времени». Я носил их, пока не потерял ремешок.

– Владик, – сказала она и попыталась улыбнуться. Улыбка не получилась. – Вырос-то как. Совсем мужчина.

– Здравствуйте, тёть Инн.

Голос у меня был нормальный. Я специально это отметил. Нормальный голос.

Мать наливала ей коньяк в чайную чашку, чтобы со стороны не было видно, и гладила по руке. Томаш сидел в своём стульчике и размазывал пюре по столешнице, и никто его не останавливал. На столе лежала открытая коробка конфет, нетронутая.

Я подошёл к раковине, налил воды. Стоял к ним спиной и пил медленно, маленькими глотками.

– Его не выпустят, Света, – говорила тётя Инна. – Я знаю, как это работает, я же сама так людей сажаю. Сто пятая, часть первая. Восемь лет минимум. Это если адвокат хороший. А хороший адвокат… – Она вдруг засмеялась, коротко и страшно. – Хороший адвокат лежит в морге.

– Инночка…

– Он говорит, ему принесли. Паша. Следователю говорит. Человек в маске. Принёс фотографии, на площадке, у нашей двери. Следователь смеётся. Пьяный муж, белая горячка, кто там что принёс. А я ему верю, Света. Паша врать не умеет. Двадцать лет не умел.

– Какие фотографии?

– Нас. Меня и Олега. – Она взяла чашку двумя руками. – Кто-то за нами ходил, понимаешь? Неделю, две. Кто-то знал, когда я у него. Кто-то всё это… устроил.

Я поставил стакан в раковину. Тихо, чтобы не звякнуть.

– Фотографий так и не нашли. Ни дома, ни у Паши в карманах. Будто их не было.

Они были. Они лежали у меня в ящике стола под жестяной коробкой «MR». Три штуки. Одна смятая, которую я потом расправил.

Я уже уходил, когда услышал:

– И ведь в тот же вечер, Света, в тот же вечер квартиру вычистили. Пока я там… Пока это всё… Пришла домой под утро, после допроса, а дверь нараспашку. Шкатулка пустая. Кодекс на полу. Мамины серьги, Света. Единственное, что от неё осталось. Она их в сорок девятом году получила, от отца, на свадьбу. Я их ни разу не надевала, только смотрела.

– Господи. Надо же в полицию…

– Нельзя. – Тётя Инна покачала головой. – Заявление писать нельзя. Сразу спросят, где я была в тот вечер. С кем. А я судья, Света. Мне до пенсии три года. Достаточно того, что весь город уже знает, где я была. Если ещё выяснится, что в это время… – Она не договорила. – Нельзя.

Мать обняла её, и тётя Инна наконец заплакала. Тихо, в плечо, по-детски, всхлипывая. Томаш перестал размазывать пюре и смотрел на неё круглыми глазами.

Стакан у меня в руке не дрогнул. Я заметил это, уже поднимаясь по лестнице. Не дрогнул, ни капли не пролилось. Я потом долго думал, что это и было самое страшное. Не то, что я сделал. А то, что у меня не дрогнула рука. Как не дрогнула бита у Хирка, когда он стоял перед мужиком в пуховике в магазине.

Мы оба научились. Быстро. Слишком быстро.

Ночью я лежал и перебирал всё в голове, как Данил перебирает детали двигателя. Медленно, по порядку, ничего не пропуская. Наличка за кодексом. Шкатулка в спальне: кольца, серьги, двое часов. Какие серьги? Я не помнил. Помнил бархатную коробочку, тёмно-синюю, потёртую на углах. Она была в шкатулке? Или рядом? Кто её брал? Седой выгребал шкатулку, а я держал ящик. Или Хирк держал ящик?

Они ушли к Полковнику вместе с остальным. Полковник отодвинул украшения, не глядя, как мусор. Наверное, там же, в ангаре, на столе из бочек, лежали мамины серьги тёти Инны. Сорок девятого года. Между пачками и часами.Или не ушли.

Я вспомнил руку Хирка в кармане куртки. Всю дорогу, сорок минут, побелевшие костяшки. «Сколько было флешек?» – «Две». Голос ровный. Слишком ровный, как у меня сегодня на кухне.

Я взял телефон и написал Хирку: «Что у тебя было в кармане?» Смотрел, как появились две галочки. Потом они посинели. Потом внизу появилось «печатает…». Исчезло. Снова появилось. Снова исчезло.Он так ничего и не ответил.

Я себя ненавидел в ту ночь. Лежал, смотрел в потолок и ненавидел так, как не ненавидел даже отца в «Белладжио». За тётю Инну. За Пашу, который двадцать лет не умел врать, а теперь сядет на восемь. За Штерна, который лёг на асфальт, как уставший человек. За то, что всё сработало ровно так, как я придумал.

А утром проснулся, посмотрел на жестяную коробку на столе и решил, что ненавидеть себя – это тоже роскошь. Такая же, как кроссовки за пятнадцать тысяч или коктейль в «Белладжио». Её могут себе позволить те, кому некуда спешить. Мне было куда.

Я принял душ, оделся в черное, положил в карман триста тысяч Полковника и поехал смотреть квартиру под клуб.

Глава 4. Начало конца

Сатин

Квартиру мы искали неделю. Хирк составил требования на целую страницу, мелким почерком, с пунктами и подпунктами. Толстые стены, чтобы не было слышно музыку. Тихий подъезд. Никаких камер на доме, никаких бабок на лавках. Четыре комнаты минимум. Второй выход желательно. Данил дописал внизу своё, печатными буквами: «Проводка не советская. Иначе сгорим за месяц».

Мы посмотрели одиннадцать квартир. В одной хозяин оказался бывшим ментом и всё время спрашивал, в какой школе мы учимся. В другой за стеной жила семья с тремя детьми, и мы слышали, как младший учит стишок про елочку. В третьей проводка была такая, что Данил потрогал розетку и молча пошёл к выходу.

Двенадцатая была в сталинке у рынка. Третий этаж, четыре комнаты, потолки три сорок, стены в полтора кирпича. На лестнице пахло кошками и старыми газетами, но подъезд был тихий: на площадке, кроме нашей, одна квартира, и её хозяин, по словам соседки снизу, третий год работал вахтой на Ямале. Из кухни был выход на черную лестницу, во двор, к мусорным бакам. Хирк прошёл квартиру из конца в конец, постучал по стенам костяшками, заглянул в вентиляцию и сказал: «Да».

Хозяйку звали Галина Петровна. Сухая, прямая, в норковой шапке, хотя был май. Она долго смотрела на нас в прихожей, как смотрят на подозрительный товар на рынке.

– Вы такие молодые.

– Студия звукозаписи, – сказал я. – Мы музыканты. Нам нужна акустика и чтобы соседи не жаловались.

– А что записываете?

– Рэп, – сказал Кот, не моргнув.

Она поморщилась так, будто он сказал «героин».

– Паспорт.

Я протянул свой. Она открыла, посмотрела на дату рождения и подняла на меня глаза поверх очков.

– Семнадцать.

– В ноябре восемнадцать.

– А мне какое дело, что в ноябре? Договор я с тобой подписать не могу. Ты несовершеннолетний. Потом твоя мама придёт и скажет, что сынок без спросу снял квартиру, и договор порвут, а я останусь виноватая. Я тридцать лет в бухгалтерии отработала, мальчик. Я знаю, как это бывает.

Хирк потом объяснил мне, что она права. Двадцать шестая статья Гражданского кодекса. С четырнадцати до восемнадцати мы можем распоряжаться своей стипендией и заработком, а всё остальное – только с согласия родителей. Любой договор, который я подпишу, можно оспорить. И нашу квартиру, наш клуб, всё, что мы туда вложим, можно отобрать одной бумажкой.

– Значит, нужен взрослый, – сказал Хирк. – Тот, на кого всё оформим. И кто не сдаст.

– Таких не бывает, – сказал Седой.

– Бывают, – сказал Кот. – За деньги – бывают.

Он привёл Карину через два дня.

Ей было двадцать шесть, и она была старше всех, кого мы знали, кроме родителей и учителей. Высокая, с короткой стрижкой и спокойным лицом, без грамма косметики. Курила тонкие сигареты и стряхивала пепел в ладонь, если не было пепельницы. Пять лет она работала

в настоящем ночном клубе в Краснодаре, сначала танцовщицей, потом старшей, потом администратором. Потом что-то случилось, о чём она не рассказывала, и она вернулась домой, к матери, в наш город. Кот познакомился с ней в своей танцевальной студии, где она вела растяжку по вечерам за копейки.

Мы встретились в кафе у вокзала. Я рассказал ей не всё. Студия, вечеринки, девочки, закрытый клуб для своих. Про камеры я не сказал ни слова.

Карина слушала, курила и смотрела на меня так, будто я не говорил, а показывал фокусы, которые она видела сто раз.

– Сколько вам лет, мальчики?

– Восемнадцать, – сказал Кот.

– Семнадцать, – сказал я одновременно с ним.

Она засмеялась. Первый и последний раз я слышал, как она смеётся.

– Хорошо. Что от меня нужно?

– Договор аренды на вас. ИП на вас. И чтобы вы были старшей у девочек.

– Сколько?

– Пятнадцать процентов.

– Двадцать пять, – сказала Карина. – И я не задаю вопросов. Вообще никаких. Ни про то, откуда деньги, ни про то, кто приходит, ни про то, что вы там будете делать в дальней комнате. Я не знаю. Я танцую и учу танцевать. Если что-то случится, я дура, которую обманули школьники. Договорились?

– Двадцать, – сказал я.

– Двадцать пять, мальчик. Ты пришёл ко мне, а не я к тебе.

Я согласился. Потом, когда мы вышли, Хирк сказал, что я дурак: можно было сторговаться на двадцати. Данил сказал, что можно было на восемнадцати. А Седой сказал, что дело не в процентах.

– Она теперь хозяйка, – сказал он. – По бумагам. Квартира её, ИП её, касса её. А мы кто? Школьники, которые к ней ходят на танцы.

Тогда я отмахнулся. Седой всегда видел на два хода вперёд и всегда говорил это слишком тихо.

Через неделю в налоговой появилось ИП Ковальчук Карина Сергеевна. Основной вид деятельности: 85.41 – образование дополнительное детей и взрослых. Дополнительный: 59.20 – деятельность в области звукозаписи. Хирк выбирал коды полвечера, читал классификатор, как роман. Вывеска на двери подъезда: маленькая, бронзовая, со шрифтом под старину. «Мельница. Студия танца и вокала». Страничка в соцсетях, где Хирк выкладывал фото станков и микрофонов, скачанные с чужих сайтов. Расписание: пол-дэнс, стретчинг, вокал для начинающих. Цены чуть выше рынка, чтобы никто не записался.

Записались двое. Девочка лет пятнадцати на вокал и женщина за сорок на растяжку. Карина вела их по вторникам и четвергам, в два часа дня, по-настоящему. Брала деньги, выдавала чеки. Женщина за сорок потом приходила целый год и даже не догадывалась, на каком диване вечером сидят чужие мужья.

– Это лучшее алиби, которое можно купить, – сказал Хирк. – Настоящие ученики. Настоящие чеки. Настоящий учитель.

Платил я за всё из денег Полковника. Я думал об этом каждый раз, когда открывал жестяную коробку. Его триста тысяч построили наш клуб. Мне это казалось тогда смешным. Почти справедливым.

За две недели мы сделали то, что придумали в гараже.

Данил приходил к восьми утра и уходил за полночь. В школе он сказал, что у него воспаление лёгких, и принёс справку, которую Хирк нарисовал в фотошопе. Он собрал барную стойку из старой столешницы и паркетной доски с рынка, покрыл тёмным лаком, и она выгля-

дела так, будто стояла там с пятидесятых. Сварил низкую сцену в самой большой комнате и поставил хромированный шест, который мы купили на «Авито» у закрывшегося стрип-клуба в соседнем городе. Шест он устанавливал три раза. Первый раз шест шатался. Во второй стоял криво на два градуса, что видел только Данил. На третий раз он повис на нём всем весом, покачался, как обезьяна, и сказал: «Нормально».

Дальнюю комнату он обшил акустическим поролоном, серыми пирамидками, как в настоящей студии. Купил на рынке подержанный микрофон на стойке и поставил его в угол. Получилась вокальная кабина. Почти настоящая. Только вместо пюпитра там стояла кровать.

Хирк не спал неделю. Он спрятал камеры в дымовой датчик над диваном в зале и в бра над кроватью. Ещё одну – в часы на стене в коридоре, чтобы видеть лица всех, кто входит. Сам настроил сервер на старом ноутбуке, который ни разу в жизни не подключался к интернету. Сам проложил провода под плинтусами и через вентиляцию. Маленькую комнату без окна, бывшую кладовку, он превратил в гардеробную. С одной стороны – ширма и вешалки для девочек. С другой, за плотной занавеской, – стул и три монитора.

Но главным, что придумал Хирк, был «Сатин».

– Нас будут проверять, – сказал он на собрании в гараже. Он теперь всё время говорил «на собрании», будто мы были советом директоров. – Не «если», а «когда». Соседи. Участковый. Пожарные. Кто угодно. Значит, у нас должна быть кнопка. Нажал – и через полторы минуты здесь студия танца и вокала. Не бордель, не клуб, не вписка. Студия.

– Полторы минуты? – переспросил Кот. – Это нереально.

– Это реально. Если отрепетировать.

Он расписал всё на листе А4, по секундам.

Седой на двери нажимает кнопку. Кнопка – обычный звонок от беспроводного дверного, спрятанный под столешницей тумбочки у входа. В гардеробной загорается красная лампа. Хирк или тот, кто сидит у мониторов, переключает свет: красные лампы гаснут, загораются белые, яркие, как в спортзале. С колонок вместо хауса идёт заранее записанный трек: женский голос считает «раз, два, три, четыре», под метроном.

Девчонки уходят за ширму. Платья, каблуки, чулки – в пакет, пакет в шкаф, шкаф на замок. Лосины, топы, кроссовки – на себя. Через сорок секунд они на сцене, у шеста, и Карина говорит им: «Спину держим, ноги тянем».

Бутылки с бара – в ящик под стойкой, ящик на замок. На стойке остаются бутылки воды, протеиновые батончики и стопка буклетов «Мельница. Первое занятие бесплатно».

Гости. Это было самое сложное. Гости садятся на диван, и у каждого в руках анкета: «Запись на пробное занятие». Мужчина за сорок пришёл записать жену на пол-дэнс. Ему показывают студию. Разве это преступление?

Дальняя комната: дверь закрывается, на двери табличка «Идёт запись. Не входить». Внутри Хирк или я, с наушниками и микрофоном. Кровать застелена серым покрывалом в тон поролону, на ней стоит ноутбук и лежат провода. Мы сидим на кровати, потому что больше негде. Звукорежиссёры. Бедные.

Камеры. Камеры никто не трогает. Дымовой датчик – это дымовой датчик. Бра – это бра. Часы – это часы.

Первый прогон занял четыре минуты двадцать секунд. Одна из девчонок застряла в чулке. Кот уронил бутылку виски, и она разбилась. Весь зал пропах спиртом, как больничный коридор.

– Вас бы всех уже посадили, – сказал Хирк, глядя на секундомер. – Еще раз.

Второй прогон – три минуты десять. Третий – две пятьдесят. Мы гоняли «Сатин» каждый вечер, перед открытием, как пожарную тревогу в школе. Карина сначала смотрела на это с усмешкой, а потом сама начала засекать время. На девятый день вышло минута сорок. На двенадцатый – минута двадцать восемь.

– Почему «Сатин»? – спросил Седой.

– Это героиня из фильма, – сказал Хирк. – Из «Мулен Руж». Она танцовщица. Притворялась той, кем не была. Всю жизнь. И умерла от туберкулёза.

– Весёлый ты, Хирк, – сказал Кот.

Хирк пожал плечами.

Ещё одну вещь он придумал, о которой я бы никогда не подумал. Бар.

– Мы не можем продавать алкоголь, – сказал он. – Это четырнадцать-семнадцать-один КоАП, незаконная продажа без лицензии. Сто тысяч штрафа. Для ИП – больше. Если кто-то купит у нас стакан виски, а потом стукнет, нас закроют за один стакан. Не за проституцию, не за шантаж. За стакан.

– И что делать? Без бара не будет клуба.

– Бар бесплатный. Мы продаём не виски. Мы продаём «клубный взнос». Пять тысяч за вечер. В него входит угощение. Угощать законом не запрещено. Я проверил.

Мы посмотрели на него с уважением. Хирк покраснел и полез протирать очки.

Над дверью я повесил маленькую красную мельницу из сувенирной лавки на вокзале. Пластиковую, с крыльями, которые крутились, если подуть. Китайская безделушка за триста рублей. Кроме нас пятерых, её никто не понимал. Карина решила, что это логотип студии. «Мельница», всё сходится. Девчонки думали, что это для красоты.

А для меня это был флаг. Первая вещь в жизни, которую я построил не на отцовские деньги. Неважно, на чьи.

Вечером перед открытием я стоял в пустом зале, при красном свете, и смотрел на шест, на стойку, на мельницу над дверью. Было тихо, только в трубах шумела вода. Я вдруг подумал, что через месяц у меня ЕГЭ. Что мать до сих пор думает, будто я хожу на подготовительные курсы в универ. Что отец перевел мне на карту двадцать

тысяч «на репетитора по математике», и я их положил в коробку «MR», к остальным.

И мне не было стыдно. Вот это я помню точно. Мне не было стыдно ни капли. Мне было хорошо.

Первый

Открылись мы в пятницу, в последнюю неделю мая.

Я представлял себе это открытие сто раз. Очередь у двери, Седой называет кодовое слово, гости в пиджаках, девчонки на сцене, Кот за баром, музыка, дым, красный свет. Как в фильме.

Пришли четыре человека.

Двое – знакомые Кота из зала, качки лет тридцати, которые всю ночь пили бесплатный виски и спорили о протеине. Третий – их друг, которого они притащили «посмотреть». Он смотрел на всё со страхом и ушёл через сорок минут, сославшись на жену. Четвертый – пьяный мужик, который перепутал подъезд и искал стоматологию.

Девчонки танцевали для пустого зала. Даша и Лена, двадцать и двадцать два, обе из старой танцевальной студии Кота. Обе мечтали уехать в Москву, и обеим для этого не хватало денег. Даша танцевала хорошо, по-настоящему, с растяжкой и той легкостью, которая бывает у тех, кто занимался с пяти лет. Лена танцевала хуже, но улыбалась так, что это не имело значения. Карина сидела у бара, курила в ладонь и смотрела на всё это, не говоря ни слова.

В три ночи качки ушли. Девчонки сели на диван и сняли туфли. Кот сказал, что это нормально, что первые вечера всегда такие, что слух пойдет и через месяц будет очередь. Я кивнул.

Потом Данил достал телефон.

– Аренда – сорок пять в месяц. Шест, свет, мебель, поролон, камеры, сервер – сто восемьдесят, уже потрачено. Карине – двадцать пять процентов. Девочкам – по три тысячи за выход, плюс что гости дадут. Бар – сегодня ушло на одиннадцать тысяч, это две бутылки виски и коньяк. Взносов собрали – пятнадцать. Минус шесть девчонкам, минус одиннадцать бар. Итого минус две тысячи за вечер. Не считая аренды.

Он сказал это спокойно, как говорят прогноз погоды.

– Это первый вечер, – сказал я.

– Я понимаю. Я просто считаю.

Он считал каждый вечер. И каждый вечер выходило в минус.

Первые две недели мы сидели почти пустые. Три человека, пять, однажды восемь, и я подумал, что вот оно. Но восемь оказались компанией с чьего-то дня рождения. Они напились, потанцевали, сфотографировались у шеста и ушли, не заплатив взносы, потому что «их пригласил Вова». Кот развел руками. Он действительно их пригласил.

– Нам нужен не трафик, – сказал Хирк на собрании в гараже. – Нам нужен один. Правильный. Один человек, у которого есть что терять. Остальное – декорации.

Правильного нашёл Кот. Конечно, Кот.

Он занимался на соседней скамье в зале по вторникам и пятницам. Страховой инспектор, Олег, сорок лет, обручальное кольцо и фото дочки на заставке телефона: девочка лет восьми, с бантами, на фоне моря. Между подходами он жаловался. На жену, которая после родов «перестала быть женщиной». На тёщу, которая живёт с ними третий год и «никуда не собирается». На ипотеку, которую платить еще семнадцать лет. На дочь, которая требует новый айфон, как у всех в классе.

Кот неделю был с ним на «ты». Угощал протеиновыми батончиками. Слушал. Кот умел слушать, когда ему было нужно. Это было его настоящее умение, лучше любого тоста на свадьбе.

В пятницу после тренировки он сказал: «Есть одно место. Только для своих. Студия танцев, но не совсем студия. Скажешь на двери: от Вовы».

Олег пришёл в одиннадцать вечера. Я сидел в гардеробной, за занавеской, перед тремя мониторами, и видел, как он поднимается по лестнице, как останавливается перед дверью, как поднимает руку, чтобы постучать, и опускает. Как оборачивается, будто собирается уйти. Как всё-таки стучит.

Седой открыл.

– Добрый вечер.

– Я… от Вовы.

– Проходите.

Он вошёл неуверенно, оглядываясь, как в музее, где боишься что-нибудь задеть. Отдал Седому куртку и сразу пожалел, будто без куртки стал голым. Сел на край кожаного дивана, как садятся в кабинете у врача. Кот налил ему виски. Олег выпил залпом, закашлялся, попросил ещё.

Карина подошла к нему сама. Это было её решение, не моё. Она потом сказала: «С первым нельзя ошибиться. Девочки молодые, они его спугнут. Ему нужна не девочка. Ему нужна женщина, которая его выслушает».

Она его выслушала. Минут сорок. Я видел на мониторе, как он говорит, говорит, говорит, а она кивает и подливает ему виски. Как он показывает ей что-то на телефоне. Наверное, фото дочки. Как Карина гладит его по руке. Как он впервые за вечер смеется, громко, запрокинув голову, будто сбросил с себя мешок цемента.

Через час он ушел с ней в дальнюю комнату.

Я выключил звук. Смотреть я не стал. Встал, вышел из гардеробной на кухню и выпил стакан воды. Кот сидел там на подоконнике и курил в форточку.

– Ну что? – спросил он.

– Пошли.

– Красавчик Олежа. – Кот выпустил дым. – Я ж говорил. У каждого есть кнопка.

Олег ушёл в половине первого. Счастливый, чуть пьяный, напевая что-то себе под нос. На пороге он сунул Седому пятьсот рублей «на чай». Седой взял. Потом весь вечер держал эту купюру в руке и не знал, куда её деть. В конце концов положил в банку с чаевыми для девчонок.

Хирк смонтировал запись за ночь. Он сидел в гараже до шести утра, с наушниками, и резал видео, как монтажер на телевидении. Лицо Олега крупно. Кольцо на пальце. Карина, без лица, со спины. Дверь в дальнюю комнату. Таймкод. Потом – кусок, который Хирк назвал «финальным кадром». Олег сидит на краю кровати и говорит в пустоту: «Жена меня убьет».

– Зачем это? – спросил я.

– Это самое важное, – сказал Хирк. – Он сам себе всё объяснил. Нам ничего не надо писать.

Флешку мы купили в переходе за наличные. Конверт – на почте, обычный, белый, без марки. Записку Хирк напечатал на принтере в городской библиотеке, куда ходил готовиться к олимпиаде по информатике. Шрифт Times New Roman, двенадцатый кегль. «Десять тысяч до пятницы. Абонентский ящик 214, главпочтамт. Жена не увидит. Не будет денег – увидит».

Самым сложным оказался ящик.

Абонентский ящик на почте открывают по паспорту. Свой паспорт я дать не мог, Кот тоже, и никто из нас не мог. Хирк предлагал взять в аренду ячейку в постамате, но там нужен телефон, а телефоны отслеживаются. Данил предлагал вообще брать деньги лично, через закладку. Седой сказал, что это как в кино про наркоманов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.